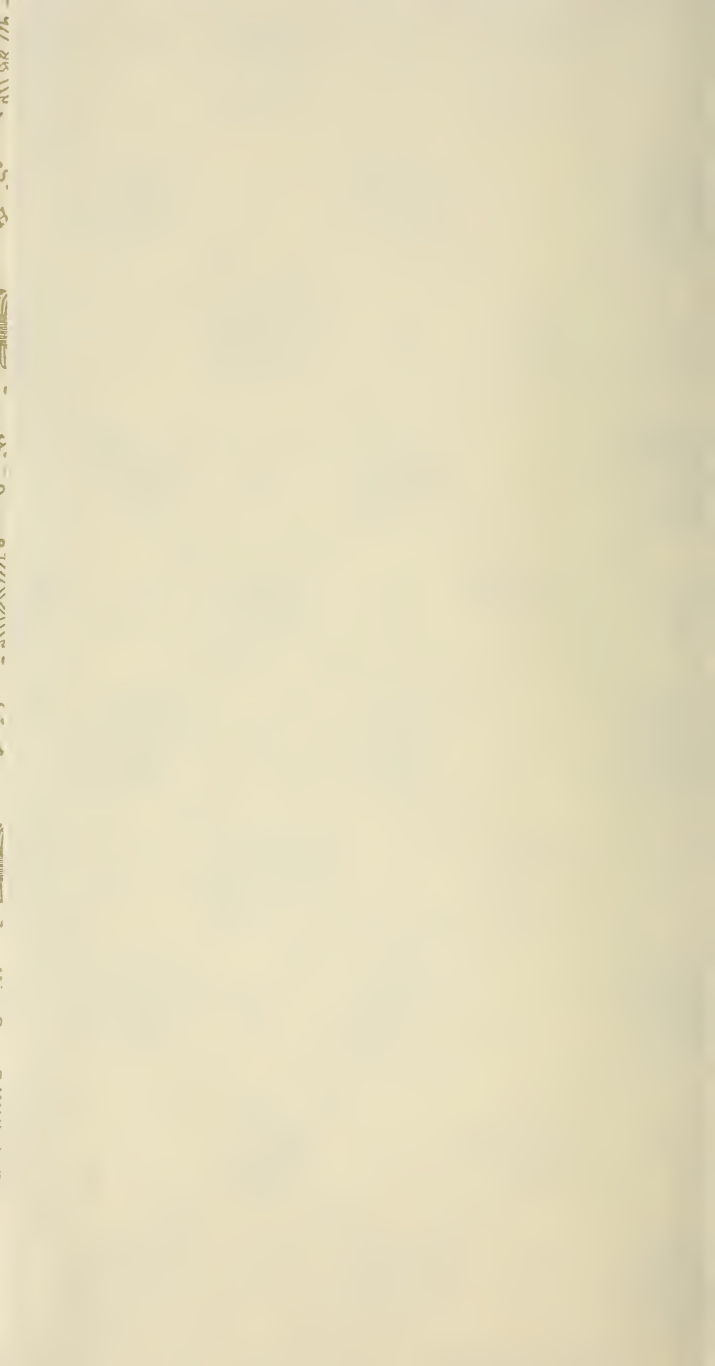

THE LIBRARY OF CONGRESS

ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА,

ѲАДДЕЯ БУЛГАРИНА.

РОЙ ПЕРВЫЙ.

Не трогайте меня своими вы носами,
А мой комарій носъ не страшенъ журавлямъ!

Богдановичъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1842.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобъ по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ, марта 6 дня, 1842.

Цензоръ *П. Корсаковъ.*

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ JOURNAL DE SAINT-PÉTERSBOURG.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

СЦЕНА I.

А. Ну, что вы сдѣлали?

Б. Проигралъ, по обыкновенію. Проклятый преферансъ! Надобно быть человѣкомъ безъ сердца и крови, чтобъ играть въ эту игру!.....

В. (Про себя.) Рѣчь о крови — а о мозг
ни словечка!

А. Много ли проиграли?

Б. Мы играемъ по маленькой, по пя
тачку фишка..... а все таки спустил
десять цѣлковыхъ!...

В. (Сидя на софѣ.) Видѣли ли новую кн
жонку *Комары?*....

Б. А почемъ продается?

В. По полтира рубля серебромъ!...

А. и *Б.* (вмѣстѣ.) Ахъ, какъ дорого!.

В. Помилуйте, да вѣдь въ пятико
пѣечномъ преферансѣ это только *оди
ремизъ въ трефахъ!*....

Б. За то какая разница — играть
читать!....

В. Правда, есть маленькая разница!

СЦЕНА II.

Г. Скажите пожалуйте, что значатъ ваши *Комары?* не подражаніе ли это *Осамъ* (les Guêpes) Альфонса Карра?

Авторъ. Точно такое же подражаніе, какъ смотрѣть въ оба глаза, носить шляпу на улицѣ, читать, писать, и прочее и прочее! Альфонсъ Карръ издаетъ политическіе памфлеты, правда, въ духѣ хорошемъ, охранительномъ (dans un esprit conservateur), но все таки памфлеты, а этотъ родъ сочиненій есть не что иное, какъ личная сатира, съ на-

именованіемъ лицъ — почти то же, что пасквиль! Есть у Альфонса Карра отдѣльно много прекрасныхъ философическихъ и нравственныхъ мыслей въ его *Осахъ*, но эти отдѣльныя изрѣченія, такъ сказать, утопаютъ въ личностяхъ... Знаете ли, если бъ я жилъ во Франціи, писалъ по-Французски и имѣлъ вдвое болѣе ума и таланта, нежели Альфонсъ Карръ, все таки ни за что бы въ мірѣ не согласился быть памфлетистомъ и писать личности! По моему убѣжденію, вы можете спорить съ человѣкомъ только о его *мнѣніи*, можете даже остриться на счетъ его ошибокъ или упрямства, можете признавать (хотя не должны) писачку великимъ писателемъ, и риѳмоплета, — поэтомъ..... и если вы не правы въ спорѣ — тѣмъ хуже для васъ! Но, во всякомъ случаѣ, *честь* и *частная жизнь* вашего противника должны оставаться неприкосновен-

ными. Представлять же характеръ человѣка въ гнусномъ видѣ, толковать въ дурную сторону его мысли и поступки, выставлять на позорище частную жизнь человѣка, осмѣивать его жену, дѣтей... легкомысленно распространять гнусную клевету и самому выдумывать..... для остраго словца.... называя человѣка по имени — это болѣе нежели нехорошо, и въ этомъ отношеніи я не люблю *Осъ*, Альфонса Карра!....

Г. У насъ, благодаря Бога, нельзя промышлять этимъ... Однако жъ, воля ваша..... У насъ, хотя печатные споры существуютъ только на литературномъ поприщѣ, и притомъ ограничены мудрыми законами, но авторское самолюбіе и литературная вражда такъ сильны, что они, если не прорываютъ, то иногда протачиваютъ плотину....

Авторъ. Вы правы... оскорбленное ав-

торское самолюбіе часто сбивается съ истиннаго пути и у насъ! Намѣкъ заступаетъ мѣсто открытой личности и всѣхъ тѣхъ продѣлокъ, которыя употребляютъ иностранные писатели, для уничиженія своихъ противниковъ. Развѣ эти рьяные бойцы не видятъ, что унижая своего противника, выдумывая на него клеветы и небылицы, они унижаютъ не только себя, но и достоинство литературнаго званія, и пятнаютъ самую литературу! Для удовлетворенія жаждѣ мщенія, за какую нибудь критику или острое словцо, эти господа представляютъ литераторовъ въ гнусномъ видѣ, и тѣмъ наносятъ величайшій вредъ нашей юной литературѣ. И кто же пишетъ все это?.... Вотъ, напримѣръ, посмотрите, какимъ образомъ выставленъ Русскій журналистъ въ такъ называемой, комедіи-водевилѣ: *Петербургскія Квартиры!* Хуже всякаго подьячаго и ябедника!... Это самое гнус-

ное лице въ мірѣ, лжецъ, взяточникъ... онъ беретъ деньги за похвалы съ книгопродавцевъ... они даютъ ему золото!.... Кто не знаетъ хода дѣлъ, не знаетъ лицъ, тотъ, быть можетъ, и повѣритъ! Наши книгопродавцы, и золото! Наши книгопродавцы — и подарки! Это, просто, альфа и омега! Нельзя не расхохотаться! Правда, книгопродавецъ принесетъ журналисту книгу, *которая плохо расходится*, съ просьбою упомянуть о ней.... и книга эта поступаетъ, разумѣется, на макулатуру — а просьба остается безъ исполненія. Хорошее и безъ того будетъ похвалено! Зная всѣхъ журналистовъ Русскихъ въ теченіе двадцати трехъ лѣтъ, я никогда не слыхалъ, чтобъ кто либо взялъ деньги, даже взаймы, у книгопродавца, и самъ испыталъ, что книгопродавцы не отдаютъ того, что принадлежитъ журналистамъ и авторамъ, за ихъ изданія или сочине-

нія!... Вотъ это такъ ужъ сущая правда! У насъ не литераторы и журналисты бываютъ должниками книгопродавцевъ, какъ за границею, а напротивъ, книгопродавцы, собирая деньги съ публики за журналы или подписку на новыя книги, не отдаютъ этихъ денегъ журналистамъ и издателямъ книгъ, и тѣмъ подрываютъ изданія! Сочинитель водевиля: *Петербургскія Квартиры*, очень хорошо знаетъ и зналъ это, но ему нужно было отмстить журналисту, и онъ выдумалъ небывальщину, въ убѣжденіи, что никто не станетъ повѣрять его вымысловъ. Публика де знаетъ, съ кѣмъ не въ ладахъ авторъ *Петербургскихъ Квартиръ*, такъ тотчасъ догадается, въ кого тутъ мѣтятъ! Но авторъ позабылъ, что правда всегда выходитъ наверхъ, какъ масло въ водѣ... и что несправедливость вредна не тому, противу кого устремлена а тому, кто сочинилъ ее! Но это только цвѣточки,

а вотъ ягодки. Въ альманахѣ *Утренняя Заря* на 1841 годъ, въ статьѣ: *Черты изъ жизни фонъ Визина*, на стр. 188—189 напечатано: «Должно однако жъ замѣтить, что несогласія того времени (т. е. временъ Очаковскихъ и покоренья Крыма) были не иное что, какъ рыцарскіе поединки, въ которыхъ дѣйствовали однимъ законнымъ и честнымъ оружіемъ, тогда искали торжества мнѣнію своему, хотѣли выказать искусство свое, удовлетворить нѣкоторой воинственной удалости (т. е. удальству) ума, искавшаго въ подобныхъ сшибкахъ случайностей, гласности и блеска. По вышеприведенному замѣчанію, что у насъ тогда было болѣе аматеровъ, (*) нежели

(*) Избави, Боже, литературу и художества отъ непосредственнаго вмѣшательства такъ называемыхъ аматеровъ (любителей), которые, не посвящая всей жизни своей искусству и наукѣ, занимаются ими *на досугѣ*. Они, имѣя всѣ притязанія на выгоды званія артиста, не жалуютъ и преслѣдуютъ артистовъ, имѣющихъ успѣхъ!

артистовъ, слѣдуетъ, что и въ сихъ распряхъ выходили другъ противу друга добровольные, безкорыстные бойцы, а не наемники, которые ратуютъ изъ денегъ, нападаютъ сегодня на того, за котораго дрались вчера, торгуютъ равно и присягою и оружіемъ своимъ, и за безсиліемъ своимъ въ бою на чистоту, готовы прибѣгать ко всѣмъ пособіямъ предательства. Убѣгая съ открытаго поля битвы, поруганные и уязвленные побѣдителемъ, они не признаютъ себя побѣжденными; если стрѣлы ихъ не мѣтки и удары не вѣрны, то они имѣютъ въ запасѣ другое оружіе потаенное, ядовитое, имѣютъ свои неприступныя засады, изъ коихъ поражаютъ противниковъ своихъ навѣрное. Сей язвы литературъ и обществъ, которыя ихъ терпятъ потому, что и въ Божіемъ твореніи пресмыкаются ядовитые гады, и слѣдовательно нужны въ общемъ планѣ созданія, къ счастію

и къ чести своей, не знала старинная литература наша.»

Прочитавъ эти строки, тотъ, который не знаетъ закулиснаго литературнаго міра, начнетъ справляться: а съ кѣмъ не въ ладахъ авторъ этой статьи? и, разумѣется, тутъ же догадается, что эти *ядовитые гады*, эти вѣроломцы, эти разбойники, сидящіе *въ неприступныхъ засадахъ*, воюющіе запаснымъ *потаеннымъ* оружіемъ — суть литературные противники автора статьи, т. е. люди, не признающіе въ немъ великихъ талантовъ и писавшіе противъ него критики! Этотъ отливъ гнѣва просто смѣшонъ тѣмъ, которые знаютъ дѣло; но иной простодушный читатель ужаснется и возненавидитъ и литераторовъ и литературу! Нужно ли сказывать, что въ этой выходкѣ нѣтъ ни одной правды, кромѣ той, что авторъ статьи не правъ, изливъ

гнѣвъ свой несправедливостью! Во-первыхъ, встарину именно было то, что сваливаетъ авторъ статьи на *нынѣшнее время*. Шлецеръ сжегъ свою Русскую Грамматику, устрашась доноса Ломоносова; Миллеръ подвергся доносамъ своихъ товарищей за мнѣніе о происхожденіи Варяговъ; бѣднаго Тредьяковскаго гордый Волынскій приказалъ отколотить палками за то, что на автора Телемахиды донесли, будто онъ приверженъ къ иностранцамъ, и самъ Фонъ-Визинъ былъ жертвою доносовъ и обвиненъ въ безбожіи и якобинствѣ! Свидѣтельство объ этомъ находится въ подлинныхъ его бумагахъ, и было напечатано. Ломоносовъ и Сумароковъ безпрестанно доносили другъ на друга, и бранились, какъ кухарки. Таковъ былъ вѣкъ!... А пусть бы въ *наше время*, какой нибудь литераторъ сталъ обвинять своего врага, и притомъ еще тайно — въ чемъ нибудь

дурномъ... въ злоумышленіи, лгать и клеветать: надъ доносителемъ посмѣялись бы и выпроводили бы его за двери! Нѣтъ, такая мысль не влѣзетъ никому въ голову! Къ чему же авторъ статьи представилъ въ превратномъ видѣ старину и настоящее время? Чтобъ унизить своихъ противниковъ!.... Спрашиваю еще: гдѣ авторъ статьи нашелъ, *въ наше время*, «наемниковъ, которые ратуютъ изъ денегъ на того, за котораго дрались вчера?» Въ каждомъ журналѣ есть сотрудники, съ которыми издатели журнала дѣлятся выгодами, проистекающими отъ изданія, и это вовсе *не наемничество*, а дѣло честное. И такъ, вотъ какъ люди пишутъ и какъ дѣйствуютъ, а между тѣмъ бѣдная литература страждетъ! По мнѣ, только одно огнестрѣльное оружіе позволено въ полемикѣ — это оружіе *безобидной насмѣшки*, или юмористическая критика и юмористическая защита своего

мнѣнія. Но всякая личность, каждый намѣкъ на характеръ и частную жизнь человѣка.... есть.... какъ бы назвать это помягче.... право, не умѣю, а знаю, что это не хорошо и даже болѣе нежели дурно.... Впрочемъ обидчику это гораздо вреднѣе: чернитъ только черная краска!

Г. Я совершенно согласенъ съ вами... Игривость, юморъ, безвинная насмѣшка... это забава литературная, а намѣки на характеръ и честь человѣка, клевета — просто... гнусность!... Но обратимся къ вашимъ *комарамъ*! Что значитъ это, въ вашемъ заглавіи?...

Авторъ. КОМАРЫ... мелкія мысли... безъ притязаній на премудрость, на философію, на славу... и только! — Ящикъ просто открывается!

Г. Но вѣдь и КОМАРЫ... кусаются!...

Авторъ. Правильнѣе: щиплютъ, какъ каждая правда! Но что значитъ укушеніе КОМАРА! Вѣдь еще Богдановичъ сказалъ:

«Не трогайте меня своими вы носами,
А мой комарій носъ не страшенъ журавлямъ!»

СЦЕНА III.

Д. Читали ли вы сказку *про бѣлаго быка?* Какова она вамъ показалась?

Е. Прекрасная! Много ума, игривости ....есть новыя мысли, языкъ чистый и правильный...

Ж. Помилуйте! Прескучная, вялая.... мысли избитыя... языкъ тяжелый!...

З. Нѣтъ, воля ваша, а этотъ авторъ не написалъ ничего лучше своей *сказки про бѣлаго быка!*

И. Ничего хуже, хотѣли вы, вѣрно, сказать!

К. Вотъ, напримѣръ, *повѣсть о мадамъ Тюрлюрлю* — такъ прелесть!

Л. Несогласенъ! Эта повѣсть самое неудачное произведеніе, какое мнѣ случалось читать.

М. Согласенъ съ вами.... сущая дрянь!

Н. Прелесть, прелесть!

О. (Сидя въ углу, говоритъ про себя.) Угоди всѣмъ — мудренъ будешь! Вспомнишь хоть плохіе стихи Державина:

И словомъ, тотъ хотѣлъ арбуза,
А тотъ соленыхъ огурцовъ!

СЦЕНА IV.

П. Что значитъ ВЪ КОМАРАХЪ *рой первый!*

Книгопродавецъ. Тоже, что *книжка первая.*

Р. Слѣдовательно будетъ и другая!... Когда же она выйдетъ въ свѣтъ?

Книгопродавецъ. Авторъ сказалъ мнѣ, что если эта первая книжка удостоится вниманія публики, онъ выпуститъ и

вторую, и третью, и болѣе книжечекъ, въ неопредѣленные сроки....

С. Нѣтъ, не бывать этому! не дадимъ этимъ *комарамъ* разлетѣться по свѣту.... Выкуримъ!....

Т. Правда, дыму и копоти довольно въ вашемъ журналѣ, за то и критика ваша черна, изсушена и провялена... Но публика любитъ *свѣжее* и *чистое*....

У. Что это, аллегорія или каламбуры?

Т. Ни то, ни другое, а такъ... коротенькая правда! Скажу вамъ, по совѣсти, господа, что своими привязками, постоянною бранью противу однихъ и тѣхъ же лицъ, хулою всего, что не принадлежитъ къ вашей компаніи (или товариществу) вы до такой степени извѣрились, что ваша брань гораздо полезнѣе для книги, нежели похвала! Нужны ли вамъ примѣры? Вспомните, какъ вы трубили

съ годъ, хвалу роману покойнаго Лермонтова: *Герой нашего времени*, а этотъ герой лежалъ въ книжныхъ лавкахъ, не трогаясь съ мѣста... а сказала Сѣверная Пчела правду — и *Герой нашего времени* мгновенно исчезъ изъ книжныхъ лавокъ... и пошелъ бродить по свѣту!... Повторяю: право, ваша хула полезнѣе хвалы..... А впрочемъ — тѣшьтесь! Вѣдь вамъ нѣтъ другаго утѣшенія въ литературѣ, какъ унижать то, что читается....

От вашихъ толстыхъ книгъ нѣтъ прибыли
ни крошки,
Какъ развѣ на зиму заклеивать окошки!....

И вашъ огромный трудъ,
Хоть вѣситъ сорокъ пудъ, —
Безъ вѣса онъ въ литературѣ!
Красуется въ макулатурѣ,
Въ подвалѣ темномъ иль въ норѣ,
Лежитъ на Щукиномъ Дворѣ,
И прежнія забывъ увертки,
Идетъ смиренно на обвертки!...

И въ ваши критики... записки...
Увы! обернуты... сосиски!....

Да, господа, вѣрьте мнѣ, что такая участь ожидаетъ каждый литературный трудъ, въ которомъ нѣтъ — *правды!*

НИЩІЙ.

НИЩІЙ,

или

ИСТОРІЯ БОГАТСТВА.

Изъ всѣхъ заблужденій ума и сердца я никакъ не могу постигнуть и растолковать одного: *гордости*! Княжнинъ (въ отрывкахъ изъ философическаго словаря)

назвалъ гордость *огромною вывѣскою самой маленькой души*. Остроумно, но не удовлетворительно. Мнѣ хотѣлось бы знать, какія чувства, какія мысли порождаетъ въ человѣкѣ гордость. Чѣмъ вы гордитесь? Умомъ. Помилуйте, да умный человѣкъ именно и не можетъ гордиться ничѣмъ въ мірѣ! Знатнымъ происхожденіемъ? Это преимущество тогда только имѣетъ истинную цѣну, когда сопряжено съ скромностью. Заслугами? Отличительное качество истинной заслуги — то же самое, что истинной добродѣтели: *смиреніе*. Богатствомъ?... Неужели можно гордиться богатствомъ! По несчастью, этого рода гордецовъ гораздо болѣе нежели всѣхъ другихъ родовъ, и эта сундучная гордость гнуснѣе всѣхъ прочихъ, и, при своей отвратительности — смѣшнѣе! Но что же прикажете дѣлать, когда есть на свѣтѣ такіе мелкіе люди, которые поставляютъ богатство въ числѣ

похвальныхъ качествъ, и даже не имѣя нужды въ богачахъ, покровительствуютъ имъ или уважаютъ ихъ, потому только, что они богаты! Ужъ тутъ я право не знаю, кто умнѣе: гордый ли богачъ или его почитатель! Послѣ этого надобно кланяться ослу, навьюченному драгоцѣнностями!

Однажды обѣдалъ я у стараго моего знакомаго, который изъ самаго низкаго сословія достигъ до высокаго званія, и пріобрѣлъ богатство необыкновеннымъ своимъ природнымъ умомъ. Давно уже слегъ онъ въ могилу, но я часто вспоминаю объ немъ, потому что изъ разсказовъ его пріобрѣлъ много опытности. Онъ собиралъ въ домѣ своемъ всѣхъ владѣльцовъ высшаго разряда, т. е. директоровъ департаментовъ, канцелярій, любимцевъ важныхъ людей и т. п., — а меня иногда приглашалъ на эти гастро-

номическіе обѣды единственно по старой памяти. Я зналъ этого роскошнаго хозяина, когда онъ получалъ семь рублей въ треть жалованья, и снималъ передо мною шапку! Обѣды его были вкусны, но чрезвычайно скучны, особенно для меня, потому.... но объ этомъ я разскажу, когда нибудь, отдѣльно.

Въ послѣдній обѣдъ передъ болѣзнью (кончившеюся смертью) моего стараго знакомца, я сидѣлъ за столомъ возлѣ одного любимца счастія. Это былъ молодой еще человѣкъ, штабъ-офицерскаго чина, котораго отецъ пріобрѣлъ взятками огромное состояніе. Это самое дало ему случай жениться на красавицѣ и получить почетное мѣсто. Не взирая, однако жъ, на старанія матери дать ему хорошее воспитаніе, доброе не прильнуло къ крапивному сѣмяни, и на немъ видна была печать подьячества. При каждомъ случаѣ онъ

напивался, былъ гордъ, грубъ и даже дерзокъ со всѣми, въ которыхъ не имѣлъ нужды, и изгибался предъ сильными. Когда я впервые увидѣлъ его въ обществѣ, и спросилъ о немъ пріятеля, онъ отвѣчалъ мнѣ: «отца его прозвали *перечнымъ стручкомъ* — а это *зерно* его!» Съ тѣхъ поръ я не сближался съ нимъ, хотя онъ нѣсколько разъ начиналъ со мною разговаривать, какъ будто желая познакомиться.

За нѣсколько дней предъ обѣдомъ, о которомъ я говорю, этотъ сынъ подьячаго давалъ великолѣпный балъ, на который съѣхалось множество знати, и это еще болѣе раздуло его гордость и высокомѣріе. Замѣчая мою холодность къ себѣ, и досадуя на уваженіе, оказываемое мнѣ хозяиномъ дома, этотъ подьяческій сынокъ вздумалъ надоѣсть мнѣ, и всѣми силами старался ввести меня въ споръ о

литературѣ, хваля нарочно то, что было мною печатно порицаемо. Вино, которое онъ лилъ въ себя, какъ въ бочку, согрѣвало его дерзость: но я нарочно молчалъ, чтобъ подавить гордость его моимъ презрѣніемъ, и тотчасъ послѣ обѣда вышелъ...

Покойный пріятель мой жилъ въ Коломнѣ, и я, чтобъ разсѣяться, пошелъ прогуливаться по уединеннымъ улицамъ Коломны, и зашелъ къ Храповицкому Мосту. Я размышлялъ о богатствѣ, о гордости, о глупости и о моемъ сосѣдѣ за столомъ, шелъ тихо, потупивъ голову, и не встрѣчалъ живой души. Это было весною, и уже начинало смеркаться. Вдругъ раздался позади меня голосъ: «Помогите бѣдному старику — я еще не ѣлъ сегодня!»

Я остановился, взглянулъ въ ту сторону, откуда раздался голосъ, и увидѣлъ сѣдаго старика съ бородою; онъ опирался на палку, и снявъ шапку низко мнѣ поклонился. На немъ былъ какой-то странный нарядъ, полу-русскій и полу-нѣмецкій, составленный, какъ можно было догадаться, изъ даровыхъ лохмотьевъ: фризовый короткій сертукъ темнаго цвѣта, а сверху длинный русскій кучерской кафтанъ, незастегнутый и неподпоясанный. Онъ простиралъ ко мнѣ руку съ шапкою, которая нѣкогда была бархатною. Лице старика, покрытое глубокими морщинами, было красно, какъ клюковка и представляло что-то поразительное при сѣдыхъ волосахъ. Я подумалъ, что эта необыкновенная краснота происходитъ отъ обильныхъ жертвоприношеній Бахусу, но не хотѣлъ оскорбить несчастнаго упрекомъ, и смотрѣлъ на него съ любопытствомъ, шаря между

тѣмъ въ карманахъ. « Накройся, старинушка, холодно! » сказалъ я.

— « Мнѣ не для чего беречься, сударь, » сказалъ старикъ: « молю Бога, чтобъ скорѣе слечь въ холодную могилу и прикрыться землею! »

— « Смерти желать грѣхъ, старикъ! Терпи, что Господь судилъ терпѣть! »

— « Легко совѣтовать... но вы, можетъ быть, знаете пословицу: голодный сытаго не понимаетъ! »

Тонъ, которымъ говорилъ старикъ и его произношеніе, показывали, что онъ не изъ самаго низкаго званія.

— « Ты грамотенъ, старикъ! »

— « Когда-то былъ, если не грамотенъ то полуграмотенъ на трехъ языкахъ, »

отвѣчалъ старикъ, съ какою-то полужалкою и полунасмѣшливою улыбкою: «теперь.... я нищій.... почти слѣпъ!»

— «Чѣмъ же ты былъ прежде?»

— «Я, сударь, я... былъ... богачемъ!»

— «Какъ богачемъ?»

— «Да-съ! я имѣлъ болѣе трехъ милліоновъ рублей наличными деньгами — а теперь мнѣ не на что купить полфунта чернаго хлѣба!»

— «Изъ какого же ты званія?»

— «Я былъ нѣкогда купцемъ первой гильдіи!»

— «Что жъ, несчастье по торговлѣ?»

— «Нѣтъ-съ... меня раззорили глупость, гордость и чадо ихъ: *иванство!*»

Старикъ возбудилъ во мнѣ сильнѣйшее любопытство. Я только что думалъ объ этомъ, и только что отвязался отъ богача, надутаго гордостью и тщеславіемъ... Я далъ серебряный рубль старику, примолвивъ: «Покушай и выпей на здоровье ... а вотъ мой адрессъ! зайди ко мнѣ завтра вечеромъ. Мнѣ хочется съ тобою побесѣдовать.... авось удастся обезпечить твою старость.»

Старикъ низко поклонился, и сказалъ: «Поѣмъ и запью водою. Лице мое многихъ обманываетъ, и они думаютъ, что эта краснота происходитъ отъ пьянства... Увѣряю васъ, что я уже двадцать пять лѣтъ не пью ничего, кромѣ воды... Завтра вы узнаете обо мнѣ, что вамъ угодно, а теперь.... голодъ мучитъ меня!»

— «И такъ до свиданья, старикъ!»

Старикъ еще разъ низко поклонился, и я пошелъ своею дорогою.

На другой день, въ семь часовъ вечера, явился ко мнѣ старикъ. Я ввелъ его въ кабинетъ, принудилъ сѣсть, напоилъ чаемъ, и попросилъ разсказать исторію его жизни. Вотъ его разсказъ!

— «Вамъ, можетъ быть, извѣстно, что у насъ очень мало купеческихъ фамилій, особенно богатыхъ, которыя были бы купцами въ теченіе трехъ поколѣній, т. е. у которыхъ бы дѣдъ былъ уже значительнымъ купцемъ, первой или второй гильдіи: обыкновенно дѣти богатыхъ купцовъ поступаютъ въ службу и переходятъ въ дворяне. Почти всѣ богатые купцы сами разбогатѣли изъ мелкихъ торговцевъ или даже изъ крестьянъ. Отецъ мой, родомъ Олончанинъ, изъ казенныхъ крестьянъ, остался сиротою, и

въ молодыхъ лѣтахъ отправился въ Петербургъ, искать работы и пропитанія. Не зная ни какого ремесла, будучи неграмотнымъ, онъ, чтобъ не умереть съ голоду, долженъ былъ избрать занятіе, считающееся *послѣднимъ* на бѣломъ свѣтѣ, хотя, по моему мнѣнію, оно въ тысячу разъ *благороднѣе* сутяжничества, лихоимства, торговли человѣческимъ развратомъ, и т. п. Отецъ мой опредѣлился въ артель, занимающаяся вывозомъ нечистоты изъ домовъ. Ремесло грязное, но... *не подлое!*... Какъ бы то ни было, только однажды, въ жестокій морозъ, очищая свою телѣгу на Гутуевомъ Островѣ, и вырубая ледъ, отецъ мой замѣтилъ, что топоръ его наткнулся на что-то твердое. Онъ зажегъ фонарь и увидѣлъ — мѣшокъ съ червонцами! Какимъ образомъ онъ попалъ туда — отецъ мой не справлялся; вынулъ его и зарылъ въ землю.

На другой день отецъ мой отыскалъ своего земляка, который служилъ прикащикомъ у богатаго купца, и попросилъ у него совѣта. « У меня есть деньги, и я хочу торговать, да не знаю, какъ и чѣмъ,» сказалъ отецъ мой. « Возьмись править дѣломъ, Меркулъ Меркуловичъ, а жалѣть не будешь! » Прикащикъ былъ однимъ изъ послѣднихъ, т. е. изъ самыхъ новыхъ и незамѣтныхъ у своего хозяина, и не получалъ еще ни какого жалованья. Онъ съ радостью согласился на предложеніе отца. Они наняли квартиру, и отецъ мой, отказавшись отъ своей должности, переселился въ новое жилище съ своимъ мѣшкомъ, въ которомъ было десять тысячъ червонцевъ. Меркулъ нанялъ дьячка, чтобъ учить отца моего грамотѣ, а самъ поѣхалъ сперва на свою родину, а потомъ въ степныя и промышленныя губерніи, завести торговыя связи, и въ

скорое время учредилъ торговлю Русскимъ товаромъ: лѣсомъ, пенькою, саломъ, поташемъ, кожами и проч. и проч. Не стану вамъ разсказывать незанимательныхъ подробностей торговли, къ которой наконецъ пріучился и отецъ мой, подъ руководствомъ перваго своего прикащика Меркула Меркуловича. Они, по обычаю Русскихъ купцевъ, не высылали сами товаровъ за границу, не имѣли тамъ конторъ, не знали, что дѣлается на иностранныхъ биржахъ, а поставляли товаръ здѣшнимъ биржевымъ спекуляторамъ, иноземнымъ содержателямъ конторъ, которые, не имѣя гроша собственнаго капитала, дѣлаютъ обороты на милліоны, закупая товаръ по приказанію заграничныхъ негоціянтовъ, выписывая иностранные товары для Русскихъ купцевъ — и побирая огромные проценты за коммиссію, т. е. за *писанье писемъ*. Сло-

вомъ сказать, въ теченіе двадцати лѣтъ отецъ мой торговалъ такъ счастливо и удачно, что нажилъ два милліона рублей денегъ. Ему тогда было сорокъ пять лѣтъ отъ роду. Оба они, и хозяинъ и прикащикъ, задумали жениться и разсчитаться. Отецъ мой выплатилъ Меркулычу пятьсотъ тысячь рублей и женился на его племянницѣ, а Меркулычъ женился на Нѣмкѣ, дочери одного конторщика, и завелъ собственную торговлю, оставаясь всегда пріятелемъ и совѣтчикомъ моего отца.

Дѣтей у моихъ родителей всего было двое: я и сестра моя. Отцу моему хотѣлось, чтобъ я былъ *бариномъ*, и онъ началъ съ того, что отдалъ меня въ пенсіонъ, на двѣнадцатомъ году отъ рожденія. Всѣ знали въ пенсіонѣ, что я сынъ *богатаго* Русскаго купца, и всѣ хотѣли отъ меня живиться: и учители, и гувер-

неры, и ученики. Родители мои, полагая, что благосклонность учителей и гувернеровъ будетъ мнѣ полезна для успѣховъ въ наукахъ, щедро дарили ихъ, а сверхъ того, восхищаясь моею дружбою съ малолѣтными князьями, графами и генеральскими сынками, давали мнѣ столько денегъ, сколько я требовалъ для поддержанія этихъ связей. Но учители и содержатель пенсіона, видя, что родители мои не могутъ судить сами о успѣхахъ моихъ въ наукахъ, и что я не имѣю охоты учиться, — оставляли меня въ покоѣ, довольствуясь подарками, а товарищи занимали у меня деньги, лакомились на мой счетъ, и въ праздничные дни возили съ собою по кандитерскимъ, кофейнямъ и т. п. Вскорѣ я привыкъ пить вино и ликеры, выучился играть въ банкъ, болтать, кое-какъ, по-французски и танцовать. Передъ экзаменомъ отецъ мой объявилъ, что наградитъ всѣхъ

учителей, если я отличусь: мнѣ дали впередъ выучить наизустъ отвѣты на вопросы; я получилъ первый призъ, и такимъ образомъ кончилъ блистательно мое воспитаніе, въ существѣ не имѣя ни о чемъ понятія, и зная только по именамъ тѣ науки, которымъ меня обучали,—правильнѣе предоставляли на волю мою обучаться.

Сестра моя, напротивъ, получила отличное воспитаніе дома, подъ руководствомъ Нѣмки, гувернантки, которую рекомендовала родителямъ моимъ жена Меркула Меркуловича. У него были три сына и двѣ дочери. Онъ далъ сыновьямъ не блистательное, но основательное воспитаніе, обучая ихъ языкамъ, бухгалтеріи и нѣкоторымъ необходимымъ въ комерціи наукамъ —сперва дома, а потомъ въ Петровской Школѣ — и послѣ того выслалъ ихъ за границу, на конторы, обучаться практиче-

ской торговлѣ. Дочерей воспитала сама мать, при содѣйствіи нѣсколькихъ учителей и гувернантки.

Мнѣ было двадцать два года отъ рожденія, когда умеръ мой отецъ. Я принялъ въ управленіе всѣ дѣла его. Оказалось, что онъ оставилъ три милліона наличными деньгами и ломбардными билетами, и на пятьсотъ тысячъ рублей товара.

Со времени выпуска моего изъ пенсіона до смерти отца, протекло пять лѣтъ, и я не занимался ни какимъ дѣломъ. Я не привыкъ къ этому! Мать моя нѣжила меня, какъ ребенка, и не хотѣла чтобъ меня утруждали какою нибудь работою, а отецъ ждалъ случая опредѣлить меня выгодно съ службу, когда я войду въ лѣта, позволяя мнѣ, между-тѣмъ наслаждаться жизнью. Я завелъ знакомство съ нѣсколькими богатыми купеческими сын-

ками и, продолжалъ пріятельскія сношенія съ самыми отчаянными гуляками изъ моихъ совоспитанниковъ, которые познакомили меня съ своими пріятелями, и такимъ образомъ у меня составился огромный кругъ разгульной молодежи. Въ моихъ комнатахъ собиралось иногда до тридцати и сорока человѣкъ офицеровъ и чиновниковъ, между которыми были графы, князья и камеръ-юнкеры— а родители мои были въ восхищеніи, что я знаюсь съ *господами!* Отецъ давалъ мнѣ довольно денегъ на забавы, но мнѣ недоставало того на мѣсяцъ, что онъ давалъ на годъ, и потому пріятели мои нашли для меня услужливыхъ людей, которые ссужали меня деньгами на векселя, давая полтину за рубль и переписывая векселя, по истеченіи сроковъ, съ прибавкою процентовъ и капитала. Родители ради были, когда я подчивалъ дома, но пріятели мои не любили

этого домашняго угощенія. Я самъ бралъ вещи въ высокомъ размѣрѣ! Если въ трактирѣ кто-нибудь велитъ подать одну бутылку шампанскаго — я, чтобъ удивить міръ, приказывалъ подать цѣлый ящикъ — и чего нельзя было выпить, то разбивалъ вмѣстѣ съ трактирною посудою, чтобъ послѣ меня ничего не оставалось! Пріятели называли меня *молодцомъ* — а трактирщики кланялись въ землю, потому что я за все платилъ вдвое и втрое. Особенное мое наслажденіе составляли поѣздки за городъ, по трактирамъ, шумѣть и драться съ беззащитными. Эта *охота* стоила мнѣ дорого. Во первыхъ мы переворачивали всегда трактиръ верхъ дномъ, выпивали и проливали все, что было въ погребѣ, а потомъ надлежало раздѣлываться деньгами за вино и за битую посуду, и битыхъ посѣтителей трактировъ. Мировая съ однимъ слесарнымъ мастеромъ, у ко-

тораго я разбилъ на лбу тарелку съ сосисками, и хлопоты въ полиціи стоили мнѣ болѣе двадцати пяти тысячъ рублей. А карточная игра? Изъ *молодечества* я ставилъ на карту по тысячѣ рублей, противу банка, въ которомъ не было и пяти сотъ рублей, и, разумѣется, не выигрывалъ никогда ни гроша, потому что всѣ играли со мною или на вѣрную или въ кредитъ, т. е. не платили, когда проигрывали, а въ случаѣ выигрыша переводили на меня свои долги, не вспоминая о своихъ старыхъ долгахъ. Я платилъ и молчалъ, для поддержанія прозванія *добраго малаго!*... А любовныя интриги?... Да тутъ мало и цѣлаго океана золота, особенно если купчику вздумается влюбиться въ актрису или въ какую нибудь дворянскую вдовушку!... Не исчисляя вамъ всѣхъ моихъ проказъ, скажу только, что сверхъ двадцати пяти тысячъ рублей, которые отецъ давалъ мнѣ

въ годъ, для поддержанія связей моихъ съ *господами*, и кромѣ того, что мать давала мнѣ потихоньку, мнѣ пришлось выкупить моихъ векселей, послѣ смерти отца, почти на пятьсотъ тысячъ рублей!

Отецъ хотя и не зналъ всѣхъ моихъ проказъ, но не всегда доволенъ былъ моимъ поведеніемъ, потому что Меркулъ Меркуловичъ иногда предостерегалъ его объ угрожающей мнѣ опасности отъ разгульной жизни, и даже самъ иногда увѣщевалъ меня, совѣтуя заняться дѣломъ и отстать отъ гулякъ. Иногда Меркулъ Меркуловичъ позволялъ себѣ даже выговоры, и это такъ вооружило меня противу него, что я не хотѣлъ болѣе съ нимъ видѣться. Умирая, отецъ назначилъ его опекуномъ моей матери и сестры, и потому я, по неволѣ, долженъ былъ находиться съ нимъ въ сношеніяхъ; но я

поручалъ моимъ прикащикамъ разсчитываться съ нимъ, и велѣлъ сказать ему, что не знаюсь съ медвѣдями.

Оставшись на своей волѣ, потому что мать ни въ чемъ мнѣ не противорѣчила, я не могъ рѣшиться что̀ начать съ собою. Мнѣ казалось постыднымъ *торговать,* когда пріятели мои толкуютъ о своихъ вотчинахъ и оброкахъ! Но и службы не хотѣлось начинать отъ солдата или канцелярскаго писца! Нашлись люди, которые воспользовались моею слабостью, а я былъ такъ простъ, или лучше сказать, тщеславенъ, что повѣрилъ имъ, когда одни обѣщали мнѣ доставить статскій чинъ и каммеръ-юнкерство, а другіе принять прямо офицеромъ въ полкъ, *за отличіе!!!* Обѣщая мнѣ такія чудеса, покровители мои, разумѣется, занимали у меня деньги, и эти блаженныя мечты стоили мнѣ до полумилліона рублей.

Между тѣмъ, какъ я кутилъ, разъѣзжалъ на знаменитыхъ рысакахъ и иноходцахъ, дѣлами занимались мои прикащики, а я только подписывалъ счеты и векселя, не заглядывая никогда въ счетныя книги. Наконецъ и это мнѣ наскучило, и я далъ довѣренность одному изъ моихъ прикащиковъ, который болѣе другихъ угождалъ мнѣ, разсказывая сплетни про ненавистнаго мнѣ Меркула Меркуловича. Съ матушкою моею мы жили въ ладахъ; но когда она объявила мнѣ, что старшій сынъ Меркула Меркуловича посватался за мою сестру, и что онѣ обѣ согласны на бракъ, я взбѣсился, сказалъ, что застрѣлю и Меркула Меркуловича, и его сына и себя...кричалъ, рвалъ на себѣ волосы, и даже упалъ на полъ въ судорогахъ. Мать и сестра испугались, отказали Меркулу Меркуловичу, а я принудилъ сестру просьбами и угрозами выйти замужъ за пріятеля

моего, промотавшагося князька, который въ тридцать лѣтъ отъ роду не имѣлъ ни одного зуба во рту, ни одного волоса и ни полуфунта мяса на костяхъ! При этомъ случаѣ Меркулъ Меркуловичъ насильно вступилъ въ свои опекунскія права, и принудилъ меня выплатить наличными деньгами слѣдующія части изъ имѣнія сестрѣ моей и матери, и даже уговорилъ мать отдать ему свой капиталъ на сохраненіе. Но онъ не могъ воспрепятствовать свадьбѣ, потому что князь имѣлъ сильныхъ покровителей.

Зять мой уѣхалъ съ сестрою моею и съ деньгами въ Москву, а чрезъ годъ сестру мою оставилъ въ Москвѣ, и съ деньгами отправился въ Парижъ, гдѣ проигравшись до копѣйки — пропалъ безъ вѣсти. Сестра возвратилась къ матери, и вскорѣ умерла съ горя, а за нею послѣдовала въ могилу и мать моя! Ни-

когда она не упрекала меня ни въ чемъ, но передъ смертью залилась слезами, и сказала, что я причиною смерти ея и сестры... Это сильно поразило меня: я опомнился на короткое время и сталъ даже набожнымъ! Но пріятели вскорѣ утѣшили меня и успокоили терзанія совѣсти блистательными цитатами изъ Вольтера и Деламетри. Я даже купилъ ихъ полныя сочиненія, и это были первыя и послѣднія книги, которыя я имѣлъ и въ которыя иногда заглядывалъ, между чаемъ и завтракомъ, пока пріѣзжали ко мнѣ пріятели.

Я не любилъ ни одного изъ нихъ, и даже ненавидѣлъ многихъ изъ тѣхъ, которые были со мной почти неразлучны... Не любилъ я ихъ оттого, что я не любилъ ничего въ мірѣ, кромѣ себя, а ненавидѣлъ, изъ зависти... Я мучился и терзался, что я не князь, не графъ

или, по крайней мѣрѣ, не дворянинъ... Все мое счастье состояло въ томъ, чтобъ разыгрывать роль аристократа, и я рабски перенималъ всѣ манеры и всѣ ухватки знатныхъ шалуновъ, моихъ пріятелей. Я былъ гордъ и даже дерзокъ съ тѣми, которыхъ почиталъ ниже себя, т. е. съ людьми небогатыми, незнатными родомъ и невидными по занимаемому ими мѣсту, а съ знатными и значительными людьми, которые занимали у меня деньги и обѣдывали у меня, былъ до того фамиліяренъ, что они избѣгали со мною встрѣчи въ публикѣ. Ни одному бѣдному и несчастному не помогъ я тайно, но бросалъ десятки тысячъ для того, чтобъ обо мнѣ печатали въ газетахъ... Однажды явился ко мнѣ Олонецкій крестьянинъ, рыбный торговецъ, съ доказательствами, что онъ мнѣ ближній родственникъ... Я велѣлъ его связать и отвесть въ полицію, обвиняя въ воров-

ствѣ... представилъ фальшивыхъ свидѣтелей, интриговалъ, сыпалъ деньгами, и выхлопоталъ, что моего несчастнаго родственника высѣкли и выслали, по пересылкѣ, на мѣсто жительства... Съ тѣхъ поръ ни одинъ родственникъ не смѣлъ ко мнѣ являться. Съ служителями моими я обращался хуже, нежели съ лошадьми и собаками....

Одинъ изъ пріятелей моихъ предложилъ мнѣ жениться на родственницѣ его, дворянкѣ, генеральской дочери. Отецъ ея умеръ во время ея малолѣтства, и она воспитана была въ модномъ пансіонѣ. Мать — кокетка и мотовка вовсе не занималась дочерью, и рада была отдать ее хоть за козла съ золотыми рогами. Мнѣ предложили условіе заплатить долги будущей моей тещи, и я согласился, переписавъ векселя на себя, тысячъ на полтораста. Невѣста моя

была очень милая дѣвушка, не дурная собою, и обходилась со мною прекрасно ... Домъ былъ, какъ говорится, на хорошей ногѣ... Между родными моей невѣсты было много значительныхъ людей съ звѣздами... Я торопилъ свадьбою, но будущая моя теща все откладывала, выдумывая различныя причины... и вдругъ разразился громъ....

Первый мой прикащикъ и главный повѣренный, который уже успѣлъ купить нѣсколько домовъ на имя жены своей, явился ко мнѣ, однажды, утромъ, когда я собирался на пирушку, за городъ, и объявилъ, что я банкрутъ!

— « Какъ ты смѣешь сказать это! возопилъ я страшнымъ голосомъ: « Ты воръ, мошенникъ, ты обокралъ меня!»... — «Потише, сударь, не горячитесь,» отвѣчалъ плутъ-повѣренный: «Вы проживали

свыше доходовъ, сирѣчь съѣдали капиталъ, платили векселями, гдѣ надлежало платить наличными деньгами, не соблюдали сроковъ, лишились кредита, и дѣлу конецъ!... У васъ теперь болѣе долговъ, нежели имѣнія... Вотъ, сударь, счетъ вашихъ коммерческихъ долговъ — о другихъ не знаю и знать не хочу; а вотъ ваше вѣрющее письмо! Благодарю васъ за службу, и съ этой минуты не хочу заниматься вашими дѣлами!»... «Но зачѣмъ же ты меня не предупредилъ, зачѣмъ не предостерегъ!» воскликнулъ я въ отчаяніи. — «Къ вамъ, сударь, не было доступа, и вы всегда выгоняли меня, когда я приходилъ къ вамъ съ бумагами!»... «Постой же, теперь я выгоню тебя прямо въ адъ!» закричалъ я и бросился на него... но онъ, мужичина сильный и здоровый, однимъ ударомъ свалилъ меня на землю, называя негодяемъ, мотыгою, нищимъ.... Я чуть не

задохся отъ бѣшенства, кликнулъ людей моихъ и велѣлъ связать дерзкаго прикащика; но служители мои уже знали о моемъ несчастіи, и не хотѣли мнѣ повиноваться, сказавъ, что они не смѣютъ вязать купца первой гильдіи, что для расправы есть полиція... Я выгналъ всѣхъ за двери, и заперся въ моей комнатѣ.

Теперь пора служить, подумалъ я: знатные мои друзья мнѣ помогутъ. Притомъ же у меня еще есть порядочный капиталъ въ долгахъ... Всѣ пріятели и почти всѣ знакомые должны мнѣ на слово... Для чиновника будетъ довольно. Я одѣлся и выѣхалъ со двора...

Я заѣхалъ сперва къ закадычному другу. « Что, развѣ ужъ пора за городъ? » сказалъ онъ, увидѣвъ меня. « Не въ томъ сила! Послушай, князь, ты всегда увѣ-

рялъ меня въ искренней своей дружбѣ. Теперь настала пора доказать это»... Что жъ, не въ секунданты ли?» спросилъ князь. « Нѣтъ, поважнѣе! Сей часъ только объявили мнѣ, что я... банкрутъ... т. е. что не имѣю ничего!»... При сихъ словахъ князь отступилъ отъ меня на три шага, какъ отъ зачумленнаго. «Ты обѣщалъ доставить мнѣ мѣсто»... « Во-первыхъ не говорите мнѣ *ты*,» возразилъ князь: «это mauvais genre и неприлично; во вторыхъ, что я за раздаватель мѣстъ! Откуда мнѣ взять для васъ мѣсто?» — « Но *ты* говорилъ.... извините, но *вы* говорили, что по первому моему слову».... «Да, когда васъ почитали милліонщикомъ! Это другое дѣло! А кто согласится взять къ себѣ *банкрута*, безъ имени, безъ фамиліи, безъ связей!... Да и къ чему вы способны? какое дѣло можно поручить человѣку, который не умѣлъ заняться собственными дѣлами?...

Притомъ же у васъ ужасная репутація! Васъ почитаютъ пьяницей, картежникомъ, развратникомъ».... «Но вѣдь и вы, князь, водились со мною, и не гнушались быть участникомъ моихъ забавъ.»... « Прошу, сударь, безъ личностей! Впрочемъ, мнѣ некогда толковать съ вами... я занятъ! » Князь всталъ и ушелъ въ другую комнату.

Вышедъ на лѣстницу, я услышалъ голосъ князя, въ передней: «Не пускать никогда этого *мужика!* Въ-зашей его— когда наскучитъ! » Вѣрно и лакеи удивились этому, зная, что до этого дня мы были неразлучными друзьями! На улицѣ я заплакалъ... со злости....

Я думалъ, что другіе мои пріятели отмстятъ князю за меня, но всѣ они приняли меня почти такъ же, а нѣкоторые даже съ оскорбительными насмѣшками.

Одинъ изъ нихъ, который смѣшилъ насъ своими остротами и чаще другихъ меня обыгрывалъ, не платя никогда своихъ проигрышей, сказалъ: «Ну, чтожъ, примись за первоначальное ремесло отца твоего! Ты знаешь, что тамъ золото.... а притомъ это мѣсто можешь получить безъ всякой протекціи, и выйдешь въ люди собственными талантами!» — Морозъ пробѣжалъ у меня по кожѣ! Я думалъ, что никто не знаетъ о происхожденіи моего отца, и увѣрялъ пріятелей, что родъ нашъ старинный дворянскій, и что предокъ мой лишился дворянскаго достоинства, при Петрѣ Первомъ, за то, что отказался отъ службы... Изъ тщеславія я поручалъ даже одному чиновнику составить мнѣ фальшивую родословную, и пріятели мои притворялись, что вѣрятъ ей. Но чиновникъ не сохранилъ тайны... а мой разбойникъ повѣренный разглашалъ всѣмъ о моемъ про-

исхожденіи, узнавъ объ этомъ отъ дѣтей Меркула Меркуловича....

Нѣкоторые изъ важныхъ моихъ знакомыхъ уже были предувѣдомлены моимъ повѣреннымъ о моемъ банкрутствѣ, и не пустили меня къ себѣ въ переднюю. Будущая теща не сказалась дома — а когда я погорячился у любовницы моей, танцовщицы, она приказала людямъ, бывшимъ на моемъ жалованьѣ, вытолкать меня изъ дому, и они же приколотили меня!....

Нѣсколько дней сряду я писалъ и разсылалъ письма ко всѣмъ, кто только былъ долженъ мнѣ деньги *на слово.* — На нѣкоторыя письма я вовсе не получилъ отвѣта, а иные изъ моихъ должниковъ увѣряли, что *не помнятъ* ни какихъ счетовъ со мною. Мать моей невѣсты приказала мнѣ сказать, что она мнѣ ничего

не должна, и если бъ между нами были какіе нибудь счеты и расчеты, то честь быть женихомъ ея дочери дороже милліоновъ, и что я ничѣмъ не могу вознаградить ея за безчестье, нанесенное ея фамиліи сватовствомъ банкрута и развратника....

Сколько я былъ гордъ, когда былъ богатъ, столько сталъ подлъ въ бѣдности! Я кланялся предъ людьми, которыхъ прежде оскорблялъ, просилъ помощи и средствъ къ пропитанію у прежнихъ пріятелей и знакомыхъ моего отца, съ которыми я не только не хотѣлъ прежде знаться, но даже отворачивался отъ нихъ. Я даже цѣловалъ руки у моего повѣреннаго, который ограбилъ, обезчестилъ и даже прибилъ меня! Къ Меркулу Меркуловичу меня не допустили, и онъ не отвѣчалъ на низкопоклонное мое письмо. Однимъ словомъ, иные не могли —

а большая часть не хотѣли помочь мнѣ, и прежній мой повѣренный настоялъ на томъ, чтобъ меня посадили въ тюрьму!

Привыкнувъ въ роскоши, къ удовлетворенію всѣхъ желаній, всѣхъ прихотей, не встрѣчая ни какихъ противностей въ жизни, не размышляя никогда ни о чемъ важномъ, не согрѣваясь въ жизни ни какимъ благороднымъ чувствомъ — я не умѣлъ переносить несчастія съ твердостью, и упалъ духомъ. Годъ просидѣлъ я въ тюрьмѣ, и отъ скуки началъ молоть нюхательный табакъ, для одного изъ заключенныхъ, который промышлялъ этимъ товаромъ. Я сдѣлался безчувственъ ко всему, и къ насмѣшкамъ, и къ соучастью, и къ страданіямъ. Къ Свѣтлому Празднику мнѣ объявили, что кредиторы мои, по ходатайству Меркула Меркуловича, согласились освободить меня изъ тюрьмы. Смотритель тюрь-

мы отдалъ мнѣ пакетъ, въ которомъ находились паспортъ, мѣщанское свидѣтельство и пять тысячъ рублей денегъ съ письмомъ Меркула Меркуловича. Въ письмѣ было сказано: « Вотъ послѣдняя помощь, ради памяти отца твоего! Уѣзжай отсюда въ другой городъ, и займись какимъ нибудь дѣломъ. Торгуй... хоть лаптями! » — Я уѣхалъ въ Москву, и завелъ табачную лавочку, въ сажень длиною и въ два аршина шириною; одѣлся по-Русски, запустилъ бороду, принялъ въ услуженіе сироту, мальчика лѣтъ двѣнадцати, чтобъ оставлять въ лавкѣ, на случай отлучки — и отъ скуки мололъ табакъ, поглядывая на прохожихъ и проѣзжихъ. Тяжело мнѣ было видѣть старыхъ моихъ пріятелей, которые пріѣзжали иногда въ Москву... но я уже не смѣлъ припомнить имъ о себѣ... Прошелъ годъ. По несчастью, познакомился я, въ трактирѣ, съ однимъ купчиной,

разъѣзжавшимь съ разнымъ товаромъ по ярмаркамъ, и ввѣрилъ ему весь мой капиталъ, всего тысячи три рублей. Пріятель проторговался, и я лишился послѣдней надежды. Съ горя я началъ пить и пропилъ всю мою лавочку, заболѣлъ, и, ради-Христа, принятъ былъ въ больницу...

Тутъ Господь Богъ послалъ мнѣ священника, который, узнавъ обо всѣхъ случаяхъ моей жизни, вознамѣрился, изъ христіанской любви, спасти меня, по крайней мѣрѣ, отъ отчаянія! Я не имѣлъ ни какого понятія о религіи — онъ укрѣпилъ душу мою Вѣрою, и открылъ мнѣ источникъ утѣшенія въ Священномъ Писаніи и въ терпѣніи. Вылечившись, я отправился въ Петербургъ и опредѣлился дрягилемъ на биржу, снискивалъ пропитаніе трудомъ, и даже составилъ небольшой капиталъ. Но вскорѣ силы меня оставили, и отъ из-

нѣженности и прежней роскоши, я подвергнулся болѣзнямъ. Подагра, хирагра, нервическія боли лишали меня возможности работать.... Небольшія деньги я прожилъ, и теперь, на старости лѣтъ.... кормлюсь на улицахъ, то собирая щепки возлѣ строеній, то выметая дворы, а когда нѣтъ работы, голодаю или прошу подаянія! »....

— « Несчастный! » воскликнулъ я.

— « Нѣкоторые изъ товарищей моихъ, богатыхъ купеческихъ сынковъ, которые вели подобную жизнь — еще гораздо несчастнѣе » — примолвилъ старикъ: « я только *нищій*, а нѣкоторые изъ прежнихъ моихъ товарищей сдѣлались *преступниками*... и кончили жизнь въ Сибири!... Благодарю Бога, что онъ лишилъ меня только богатства, и послалъ утѣшеніе въ Вѣрѣ! »...

—«Ну, а не встрѣчался ли ты съ прежними твоими пріятелями?»

— « Нѣкоторыхъ я встрѣчалъ и теперь встрѣчаю на улицахъ, но не смѣю даже подойти къ нимъ. Иные изъ нихъ, покутивъ въ молодости, исправились и сдѣлались порядочными людьми.... Другіе надѣли маску, и вылѣзли въ верхъ..... Третьи погибли.... Дѣти Меркула Меркуловича всѣ вышли въ люди... Мать, Нѣмка, вселила въ нихъ любовь къ порядку и точности... Но я не хочу просить у нихъ подаянія. Бѣдность изгнала изъ меня чванство, а Вѣра очистила душу отъ подлости... Я не стыжусь просить подаянія, когда не могу заработать куска хлѣба... но не унижусь до того, чтобъ просить у тѣхъ, которые имѣютъ полное право презирать меня... Это гордость нищаго! »... примолвилъ старикъ, улыбаясь.

Мнѣ пора была приниматься за работу, и я простился съ старикомъ.

Разумѣется, что мы, съ нѣсколькими пріятелями, обезпечили старика въ его содержаніи — и я, съ его позволенія, разсказываю вамъ исторію его жизни или

богатства безъ ума, заслуги и нравственности, въ поученіе тѣмъ, которые гордятся богатствомъ, не разсудивъ, что изъ всѣхъ свѣтскихъ преимуществъ оно самое ничтожное.

Когда я дописывалъ эти строки, пріятель мой, увидѣвъ ихъ, сказалъ: «Что ты это говоришь! Да вѣдь есть люди, которые гордятся даже лошадьми, экипажемъ, плащемъ, шубой.»...

— «Мебелями, квартирой, поваромъ» ... примолвилъ другой пріятель.

— «И даже гордятся долгами!».... сказалъ третій.

— «А еще забавнѣе,» возразилъ первый пріятель: «что есть люди, которые гордятся тѣмъ, что они бываютъ въ знатныхъ домахъ.... какъ будто туда впу-

скаютъ по балотировкѣ, въ награду заслугъ, дарованій....

— «Хорошо, кому эта страсть ничего не стоитъ, кромѣ потери времени... но вотъ нашъ нищій служитъ примѣромъ — до чего доводитъ чванство!»...

— «Какъ бы хорошо было, если бъ богатые купцы и ихъ разгульные сынки опомнились, прочитавъ исторію этого нищаго,» сказалъ первый пріятель...

— «Не безпокойся.... Они ничего не читаютъ! Справься по всѣмъ книжнымъ лавкамъ, въ Газетной Экспедиціи — ты удостовѣришься, что изо *ста* проданныхъ книгъ или журналовъ *девяносто девять* куплены Русскими дворянами, большею частью помѣщиками, надъ которыми подшучиваютъ глупые наши писачки, въ своихъ глупыхъ повѣстяхъ и

разсказахъ! Теперь литература большей части нашего купечества заключается въ календарѣ и въ прибавленіяхъ къ вѣдомостямъ... Чрезъ двѣсти лѣтъ будетъ иначе — и тогда »...

— « Тогда будутъ Русскія конторы въ Лондонѣ, Гамбургѣ, Нью-Іоркѣ»...

— « И купеческіе сынки будутъ любить и уважать свое званіе »....

— « И жить по старинной Русской пословицѣ: знай сверчокъ свой шестокъ! »

МЕТЕМПСИХОЗА.

МЕТЕМПСИХОЗА,

или

ДУШЕПРЕВРАЩЕНІЕ.

Вы знаете, любезные читатели, что Индѣйцы вѣрятъ въ переселеніе душъ, т. е. будто душа человѣка, по его смерти, переселяется въ животное или звѣря,

сообразно своему качеству. Такъ, напримѣръ, вѣрный другъ и честный человѣкъ — по смерти будетъ слономъ или собакою, воръ лисицей, злодѣй тигромъ или волкомъ и т. п. Это заблужденіе хотя нелѣпо — но имѣетъ свою піитическую сторону, и я даже думаю, что въ этомъ вѣрованіи Индѣйцевъ видимая нелѣпость — или грубая оболочка мысли, есть одна только *форма* — оставленная для народа, а въ самомъ существѣ это не что иное, какъ аллегорія, заключающая въ себѣ двѣ великія истины: во-первыхъ, что душа безсмертна, а во-вторыхъ, что каждому будетъ воздаяніе, по мѣрѣ заслугъ.

Но человѣческимъ заблужденіямъ «*нѣтъ конца!* «Надобно вамъ сказать — вмѣсто предисловія къ этому разсказу — что когда мнѣ наскучитъ и надоѣстъ

на этомъ бѣломъ и прекрасномъ свѣтѣ, я запираюсь въ моей комнатѣ, ложусь въ постель... и сплю — подумаете вы... нѣтъ пускаюсь странствовать... въ области воображенія... И такъ:

Въ одно изъ этихъ странствованій попалъ я на какой-то островъ, населенный народомъ, имѣвшимъ всѣ притязанія на образованность и просвѣщеніе. Народъ этотъ жилъ въ великолѣпныхъ городахъ и бѣдныхъ деревняхъ, повиновался модѣ, любилъ деньги и почести, хорошій столъ, вино и карты, имѣлъ типографіи, книги, журналы, газеты, суды и тюрьмы... словомъ тутъ было все, что составляетъ Европеисмъ, и что привлекаетъ такое множество иностранцевъ въ Парижъ, и другіе большіе города.

Островъ, о которомъ я вамъ говорю, былъ населенъ язычниками. Желая узнать

религію, законы, нравы и обычаи этого народа, я старался изучить его языкъ, и отыскивая учителя, по счастью познакомился съ однимъ ученымъ жрецомъ, который говорилъ на одномъ изъ европейскихъ языковъ. Жрецъ никогда не выѣзжалъ изъ своего отечества, и выучился европейскому языку отъ одного Европейца, взятаго въ плѣнъ дикими береговъ Африки, и проданному въ рабство отцу его. Наслышавшись уже объ Европѣ, жрецъ любопытствовалъ знать о нашихъ успѣхахъ въ образованности, и въ замѣнъ разсказывалъ мнѣ о своемъ островѣ.

Однажды я засталъ его въ гнѣвѣ. Онъ разсказалъ мнѣ, что имѣетъ дѣло съ плутомъ, съ котораго никакъ не можетъ взыскать денегъ, и заключилъ свой разсказъ словами: «Какой требовать спра-

ведливости отъ кадія, въ которомъ вмѣщается душа — мула!»

Оборотъ этой фразы, показался мнѣ страннымъ, и я думалъ, что это риторическая фигура, метафора или піитическое выраженіе мысли, или что жрецъ, не зная основательно того европейскаго языка, на которомъ онъ говорилъ со мною — выразился неправильно.

— «Но я слыхалъ отъ всѣхъ, что кадій человѣкъ добрый и безкорыстный,» возразилъ я.

— «Что пользы, когда въ немъ душа — мула!» воскликнулъ жрецъ гнѣвно. «Онъ окруженъ людьми съ душею лисицъ и волковъ, и позволяетъ грабить насъ, жуя свою жвачку!

— « Я не понимаю васъ... во первыхъ ни мулы, ни волки, ни лисицы не имѣютъ души, а во вторыхъ у кадія можетъ быть душа слабая, но добрая. »...

— « Что вы это говорите, будто у мула нѣтъ души! » воскликнулъ жрецъ — « Если бъ у животныхъ не было души, такъ не было бы души и у людей »...

— « Извините! Мы Европейцы вѣримъ и думаемъ иначе. Человѣкъ имѣетъ душу безсмертную, управляемую волею и разумомъ... но животныя руководствуются инстинктомъ....

— « А мы вѣримъ и думаемъ иначе, » сказалъ жрецъ, который между тѣмъ нѣсколько успокоился.

— « Сдѣлайте одолженіе разскажите

мнѣ объ вашемъ вѣрованіи... Это для меня чрезвычайно любопытно.»

— «Садитесь!» сказалъ жрецъ: «и слушайте. Мы вѣримъ, что душа нисходитъ съ неба на землю для постепеннаго испытанія или для исправленія, сообразно своимъ качествамъ. Дѣло начинается съ растеній. Злыя души сперва помѣщаются въ колючія и ядовитыя растенія, души добрыя въ благоуханные цвѣты и вкусные плоды, а души ничтожныя — въ траву, въ сѣно! Потомъ души переходятъ въ животныхъ — добрыя души въ красивыхъ животныхъ полезныхъ своею силою и крѣпостью — но глупыхъ. Въ человѣкѣ, душа, имѣя свѣтильникомъ разумъ и науку — должна довершать исправленіе, если только воля ведетъ ее къ этому. Изъ людей души переходятъ въ составъ духовъ невидимыхъ, злыхъ и добрыхъ. Добрыя души

очистясь опытомъ и страданіемъ — возвращаются къ источнику свѣта и бытія, злыя идутъ въ геенну! Вотъ наша вѣра»...

Презабавная вѣра, подумалъ я, которая могла бы дать множество матеріала для шутокъ нашимъ комикамъ и сатирикамъ, если бъ они догадались выдумать это; но я не смѣлъ насмѣхаться надъ вѣрованіемъ почтеннаго человѣка, сколько ни казалось оно мнѣ нелѣпымъ, и сказалъ: «Весьма было бы хорошо, если бъ можно было догадываться, чью душу вмѣщаетъ въ себѣ человѣкъ, котораго вы хотите узнать покороче.» —

— «Это привилегія жрецовъ первой степени!» отвѣчалъ мой собесѣдникъ.

— «Слѣдователно вы знаете, въ комъ какая душа?»

— «Непремѣнно!»

— « Ахъ, какъ вы счастливы! »

— « Ни сколько! Много знать — право, не большое счастіе! Лучше было бы, если бъ я вовсе не зналъ этого! Тяжело и грустно сердцу! »

— « Можетъ быть, это нескромно.... но сознаюсь, что если бъ я былъ въ состояніи, то далъ бы милліоны, чтобъ узнать душу — хотя нѣсколькихъ людей!...

— « Если эти люди въ нашемъ городѣ, то я даромъ удовлетворю вашему любопытству, съ условіемъ, что вы никому не откроете тайны, пока будете на нашемъ островѣ. »

— « Клянусь! »

— « И такъ, о комъ вы хотите спросить меня? »

— « Напримѣръ: какая душа въ этой модной красавицѣ, знатнаго происхожденія, вокругъ которой всегда толпится ваше юношество?.. Она удивляетъ меня своею фамиліярностью съ молодыми людьми, своимъ вольнымъ съ ними обращеніемъ, даже въ присутствіи мужа... Многія добрыя матери выводятъ даже дочерей своихъ изъ концертовъ, изъ театра, съ гульбищъ, чтобъ онѣ не были свидѣтельницами соблазна, и не переняли этой вольности... На счетъ этой красавицы я слыхалъ самыя непозволительныя вещи »....

Жрецъ улыбнулся. — « Знаю, знаю, о комъ вы говорите! Въ этой женщинѣ душа голубицы, и она непорочна и чи-

ста, какъ солнечный лучъ, который освѣщаетъ и согрѣваетъ все, на что только устремленъ, не принимая въ себя ничего земнаго. Женское тщеславіе, развитое семейными примѣрами и небрежность воспитанія причиною ея вѣтрености.... но душа ея не участвуетъ въ этой дѣтской игрѣ съ сердцами мужчинъ»....

— « Какъ жаль, что она оклеветана! » воскликнулъ я: « въ городѣ одинъ голосъ объ ней»...

— « Завистницы и старыя кокетки выдумываютъ небылицы, а обманувшіеся въ надеждахъ своихъ волокиты поправляютъ эти *сочиненія*, и разносятъ по городу!...

— « Слава Богу, что она въ душѣ невинна! Но эта скромница... помните, ко-

торую я вамъ показывалъ въ публичномъ саду... это вѣрно примѣръ женской добродѣтели! Какъ всѣ ея движенія размѣрены, какъ она скупа на взгляды, какъ строга въ приличіяхъ, какъ умѣетъ удерживать юношей въ почтительности!... Въ ней должна быть душа»....

— «Въ ней душа хитрой обезьяны и тѣ же самыя страсти!» примолвилъ жрецъ. «Эта женщина именно то самое *въ существѣ*, чѣмъ *кажется* модная красавица, о которой вы спрашивали меня прежде. Одна, въ чистотѣ души своей, полагаетъ, что ей не нужно скрываться — другая знаетъ хорошо, что людей легко обмануть наружностью... Не многіе видятъ душу, и притворство часто пользуется тѣмъ, что принадлежитъ одной добродѣтели»....

— « Кстати о добродѣтели! Какъ вы счастливы, что у васъ такъ много добродѣтельныхъ чиновниковъ! У насъ, въ Европѣ, жестоко на нихъ жалуются»...

— « Да, у насъ добродѣтель теперь... въ модѣ! Вездѣ толкуютъ о безкорыстіи, пользѣ общей, самоотверженіи...это, впрочемъ, весьма хорошее средство къ достиженію цѣли!... Замѣтьте, когда всѣ гнались за почестями и отличіями, тогда было въ модѣ говорить о деньгахъ, а когда, наконецъ, наступилъ промышленый вѣкъ и люди бросились на деньги — вошло въ моду говорить о добродѣтели! — А когда видишь душу... смѣхъ да и только!»....

— « Я заглядываю иногда въ толстую книгу, выходящую ежемѣсячно, и каждый разъ вижу тамъ похвалы литературному безкорыстію, проклятія литерато-

рамъ, продающимъ литературные свои труды за деньги.... Издатель этой ежемѣсячной книги долженъ быть человѣкъ самый безкорыстный.... съ душою баснословнаго пеликана..... и онъ вѣрно раздаетъ свои книжки *даромъ*...

Жрецъ захохоталъ. « Попробуйте! Да онъ вамъ не дастъ *даромъ* куска обертки своей книжки, если бъ отъ этого зависѣла жизнь ваша! Онъ для того проповѣдуетъ безкорыстіе, чтобъ самому пользоваться *даромъ* чужими трудами. Въ этомъ издателѣ вмѣщается душа попугая, изъ породы, называемой какаду. Птица эта имѣетъ свойства обезьяны и вороны » ....

— « Ну, а этотъ водевилистъ, котораго вы показывали мнѣ въ театрѣ, когда играли его піесу *Собачьи Кануры*, въ которой онъ вывелъ на сцену прежнихъ

своихъ кормильцевъ, и представилъ ихъ ворами и разбойниками... Въ немъ вѣрно душа какого нибудь ужаснаго звѣрька...

— « Напротивъ — душа сказочнаго осла! Вы думаете, что онъ золъ — онъ просто глупъ, и какъ оселъ лягаетъ тѣхъ, которые его кормятъ и чистятъ скребницей....

— « Воля ваша, а право очень занимательно знать душу человѣка, съ которымъ иногда можешь имѣть дѣло!»

— « А къ чему послужитъ тогда ваше познаніе!» возразилъ жрецъ, тяжко вздохнувъ: « Вѣдь не каждому можно выбирать людей для сношеній съ ними! Когда вы имѣете дѣло съ равнымъ или съ высшимъ — это познаніе души можетъ пригодиться — но въ сношеніяхъ съ сильными и богатыми — это не по-

можетъ, при всей вашей осторожности! Вотъ, напримѣръ, братъ мой, врачъ, который такъ искусно вылечилъ васъ отъ болѣзни, принужденъ былъ обстоятельствами подчиниться человѣку съ душою тигра. По несчастію, у этого человѣка любимецъ съ душою лисицы — и брата моего обидѣли, оскорбили, лишили заслуженнаго — и онъ былъ радъ радешенекъ... что его живцемъ не съѣли! Не помогло, что я предувѣдомилъ его съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло! Напротивъ, это сдѣлало болѣе вреда, потому что братъ мой съ перваго шага лишился надежды, и пренебрегъ всѣми средствами къ защитѣ!... Чего тутъ ждать, когда знаешь, что попалъ въ когти тигра или на судъ осла!..... Отчего поэзія и каждый вымыселъ пріятны умному человѣку? Именно оттого, что они ведутъ къ мечтѣ, а мечты наши почти всегда блистательны! — Вѣрьте мнѣ, что для умнаго и

честнаго человѣка нѣтъ величайшаго несчастія, какъ знать свою участь и видѣть насквозь душу окружающихъ его людей! »....

Жрецъ задумался, и слезы навернулись на глазахъ его. Я не смѣлъ перерывать его молчанія. Наконецъ онъ взглянулъ на меня съ ҐорЬкою улыбкою, и сказалъ: « А вамъ все таки хотѣлось бы знать, какая душа у каждаго человѣка? »....

— « Признаюсь въ этомъ! »....

— « Это знаніе пріобрѣтается глубокимъ изученіемъ природы, человѣчества — и долговременною опытностью — и я не могу вамъ открыть путей, которые ведутъ въ святилище этой науки! Это тайна нашего сословія! Однако жъ, я могу указать вамъ общіе приметы, по

которымъ вы можете сами дойти до важныхъ послѣдствій. Такъ, напримѣръ, на всѣ мѣста, гдѣ можно нажиться на счетъ ближняго — лѣзутъ люди съ душою хищныхъ звѣрей и птицъ.... тигровъ, волковъ, ястребовъ... Въ людяхъ, нелюбящихъ просвѣщенія — душа совы и филина, сурка или хомяка! Птицы пѣвчія — снабжаютъ душою истиннаго поэта, а ворона даетъ свою душу стихоплету. Умные и полезные прозаики заимствуютъ душу у бобровъ, а врали прозаики у сорокъ и лягушекъ. Земледѣльцевъ и ремесленниковъ снабжаютъ душою пчелы и муравьи. Ябедники и взяточники — это прожорливыя акулы. Безсмысленные писаки — это волы... Въ людяхъ мужественныхъ, твердыхъ, великодушныхъ, умныхъ которые обыкновенно управляютъ жребіемъ нашимъ — душа льва.... а за львомъ всегда крадутся шакалы и лисицы... Но я

бы не кончилъ до завтра! Повторяю: наблюдайте дѣла, занятія, вкусъ и привычки человѣка, и главное, замѣчайте кого онъ любитъ и съ кѣмъ водится — тутъ проглядываетъ всегда душа, и вы подстережете ее и узнаете — чья она!»

Давнымъ давно возвратился я во-свояси изъ моего путешествія по области воображенія, долго учился, мучился, наблюдалъ, чтобъ постигнуть науку, по которой можно узнавать душу каждаго человѣка, и не успѣлъ въ этомъ! — Напротивъ, послѣ долговременнаго изученія и опыта, я еще чаще сталъ обманываться, потому что люди точно таковы, какъ сказалъ объ нихъ И. И. Дмитріевъ:

Иной какъ — звѣрь — а добръ!
Тотъ ласковъ — а кусаетъ!

БѢГЛАЯ МЫСЛЬ.

БѢГЛАЯ МЫСЛЬ.

(Театръ представляетъ внутренность благоустроенной головы. Умъ лежитъ въ углу и говоритъ про себя.)

Умъ. Что за глупое существованіе! Если бъ меня, по крайней мѣрѣ, можно было изжарить въ кастрюлѣ и съѣсть-

— я бы пригодился моему хозяину... а то лежи и спи безъ просыпа, какъ хорекъ! Бѣдный мой хозяинъ! куда ни сунется со мною — сущая напасть! Онъ даже хотѣлъ опредѣлиться въ носильщики и переносить, изъ куска хлѣба, чужія тяжести — но и тугъ требуютъ, чтобъ онъ отказался отъ меня. За что это меня люди такъ не любятъ? Говорятъ, что я вижу далеко и насквозь — ну, что за бѣда, да вѣдь языкъ-то не въ моей власти, а во власти моего хозяина. Не вѣрятъ мнѣ! Видитъ, говорятъ, знаетъ, такъ можетъ и высказать! Дѣлать нечего! Люблю моего хозяина — и такъ стану вѣчно спать для его благополучія. Да и что теперь могу я сдѣлать! Во время моего сна и моей дремоты всѣ дѣти мои всѣ мои питомицы — всѣ мысли мои разлетѣлись по свѣту!... Я остался одинъ сиротою....

(Въ это время влетаетъ въ голову мысль, и не замѣчая ума, садится. Умъ встаетъ съ мѣста, подкрадывается къ мысли, и хватаетъ ее за крылья.

Умъ. Ага, поймалъ бѣглянку! Постой, вотъ я тебя!

Мысль. Простите, папенька, виновата! Я бѣжала съ сестрами и пріятельницами не оттого, чтобъ мы не любили васъ, папенька. но.... извините.... вы стали такъ скучны, сонливы, перестали заниматься нами... что мы, привыкнувъ къ дѣятельности, рѣшились поискать работы и развлеченія на бѣломъ свѣтѣ!...

Умъ (освободивъ мысль.) Безпокойныя созданья! Имъ бы только летать, да работать! Ну, гдѣ же ты была? что видѣла, что сдѣлала? —

Мысль. Была во многихъ мѣстахъ, много видѣла, а мало сдѣлала.

Умъ. Разскажи, однакожъ, что новаго на бѣломъ свѣтѣ.... Ты знаешь, что я не могу показаться въ люди, ради спокойствія моего хозяина, и долженъ, волею, неволею, дремать въ углу...

Мысль. Вылетѣвъ отсюда, я взвилась вверхъ, и стала кружить по поднебесью, извлекая соты изъ природы и творенія. Съ богатою ношею новыхъ понятій и соображеній спустилась я на землю, чтобъ по моей обязанности, отдать людямъ мое сокровище. Вижу великолѣпныя палаты, ярко освѣщенныя, и воображая, что хозяинъ, обезпеченный во всѣхъ житейскихъ нуждахъ, встрѣтитъ меня съ радостью, лечу прямо въ двери, на парадную лѣстницу. Многочисленная прислуга остановила мой полетъ. Какого вы чина и званія? спрашиваютъ меня. Я расхохоталась, и мнѣ, передъ носомъ, захлопнули двери. Я взвилась и влетѣла, въ окно,

въ кабинетъ хозяина. Онъ сидѣлъ въ кабинетѣ, въ задумчивости, между тѣмъ, какъ въ залѣ было множество народа. Вотъ попала кстати! подумала я — и явилась предъ хозяиномъ, лицемъ къ лицу. Онъ, будто, испугался меня — и отодвинулся съ креслами шага на три, смотря на меня съ безпокойствомъ и удивленіемъ: « Я принесла уму твоему работу, а тебѣ заслугу и славу » сказала я: « Возьми мой запасъ, и дай мнѣ мѣсто въ твоей головѣ! » — « Прочь, соблазнительница! » воскликнулъ онъ гнѣвно. « Въ моей головѣ нѣтъ для тебя мѣста: тамъ помѣщается мое *сердце*, а уму моему нѣкогда перемалывать твою ношу — у него *своя* работа, прочная, постоянная, и выгодная, а именно перегонка лести, лжи, сплетней, былей и небылицъ въ сладкій ликеръ, которымъ я подчиваю до опьянѣнія тѣхъ, которые мнѣ прокладываютъ дорогу вверхъ, и способствуютъ

къ низверженію моихъ противниковъ!» .... «Но, скажи, пожалуйста, какимъ образомъ можетъ помѣщаться сердце твое *не на своемъ мѣстѣ*, въ головѣ?» спросила я: «этого я не видывала!» — «Ну, вотъ ваша мудрость!» сказалъ насмѣшливо хозяинъ: «оставь сердце *на своемъ мѣстѣ*, такъ пожалуй, оно подчинитъ своему вліянію голову — и тогда бѣда съ умомъ, особенно, если онъ, при этомъ, подвергнется вашему навожденію! — Слуга покорный! Нѣтъ, я сердце въ тиски, да и подъ спудъ, въ рабство уму; пусть мое сердечко плачетъ и смѣется не тогда, когда ему хочется, а когда умъ велитъ! Отъ этого распоряженія я сталъ и богатъ и силенъ, и ни въ чемъ не нуждаюсь. Лети ты, матушка, куда угодно, и оставь меня въ покоѣ! Съ тобою не долго до грѣха!» — «Послушай меня!» возразила я: «безъ меня имѣй ты золотыя горы, и будь

сильнѣй гиппопотама — все ты будешь не человѣкъ, а машина»..... «Прочь, соблазнительница!» воскликнулъ онъ грозно. — «Не уберешься добромъ отсюда — оборву крылья и упрячу въ какой нибудь протоколъ, чтобъ сгнила въ архивахъ.... Прочь!» — Я повернулась и хотѣла летѣть, но онъ сказалъ: «Постой, мнѣ жаль тебя! Было время (тутъ онъ тяжко вздохнулъ), было время юности, когда и я мечталъ о тебѣ, призывалъ тебя и хотѣлъ жить съ тобою! Тогда я былъ бѣденъ и простодушенъ... но это время прошло, и не возвратится! Хочешь пожить на просторѣ, ступай къ..... (онъ назвалъ мнѣ по имени человѣка). Онъ слыветъ великимъ мужемъ, острякомъ, энциклопедистомъ. Онъ вѣрно приметъ тебя хорошо.... Прощай и не гнѣвайся!»....

Умъ. Ну, вотъ видишь, каково стран-

ствовать безъ моего совѣта! Упрятали бы тебя, въ какомъ нибудь рѣшеніи или протоколѣ, въ архивъ, и ты пропала бы на вѣки вѣковъ! Что жъ далѣе?

Мысль. Я полетѣла въ показанное мѣсто. Входя въ комнаты, я прикрылась крыломъ, чтобъ быть невидимою. Смотрю и слушаю. Вокругъ хозяина дома, человѣка важнаго, вертѣлись молодые люди, обращаясь съ нимъ чрезвычайно фамиліярно. Въ отдаленіи сидѣло нѣсколько пожилыхъ людей. На столикѣ, между бумагами, книгами и журналами, лежали печатныя иностранныя хвалы хозяину. Разговоръ былъ общій. Говорили, по смыслу стиховъ любимца твоего и нашего Грибоѣдова:

..... о камерахъ, присяжныхъ,
О Бейронѣ, ну, о предметахъ важныхъ!...

Разсуждаютъ, толкуютъ, судятъ о

благѣ рода человѣческаго, о законодательствѣ, о сельскомъ хозяйствѣ и промышлености, о политикѣ и литературѣ. Ужъ тутъ вѣрно есть мнѣ сестры или кто нибудь изъ дядюшекъ, умовъ, подумала я. Свернулась, и стрѣлой пролетѣла чрезъ головы всѣхъ собесѣдниковъ. Вообразите себѣ, папенька, что ни у одного изъ этихъ строителей блага человѣческаго рода, я не встрѣтила ни одной живой мысли! Все трупы, мертвыя мысли, вырытыя изъ Французскихъ газетъ! Я присѣла въ головѣ одного пожилаго человѣка, который ничего не говорилъ, а только поглядывалъ на всѣхъ, насмѣшливо улыбаясь, и умъ его сказалъ мнѣ: «Всѣ эти мудрецы живутъ газетнымъ умомъ, и отъ одного почтоваго дня до другаго разносятъ изъ дома въ домъ муміи мыслей, разсѣянныхъ въ газетахъ. *Живой* мысли здѣсь нѣтъ мѣста — совѣтую тебѣ искать пристанища подалѣе

отсюда!»... Я не повѣрила этому уму, и тихонько пробралась въ голову самого хозяина. Умъ его, какъ вампиръ (или упырь) сосалъ кровь изъ чужихъ мыслей, и взглянулъ на меня такъ ужасно, что я вздрогнула. — «Чего ты хочешь?» спросилъ онъ меня грубо. — «Нѣтъ ли у васъ для меня работы?» возразила я скромно: «я прилетѣла прямо изъ поднебесья, съ свѣжимъ запасомъ.» — «Убирайся, если тебѣ дорога жизнь!» сказалъ мнѣ этотъ дерзкій умъ: «слава моя уже составлена языкомъ моего хозяина и похвалами иностранцевъ... а для домашняго обихода мнѣ довольно и тѣхъ мыслей, которыми жертвуютъ моему хозяину ищущіе его милостей! Живыхъ и вольнопрактикующихъ мыслей мнѣ ненадобно!» Благимъ матомъ убралась я изъ этой головы, и чуть не упала, поскользнувшись на шлифованномъ языкѣ хозяина. Лечу по широкой улицѣ, и на одномъ домѣ

вижу надпись, объявляющую, что здѣсь контора ума. Заглавіе этого такъ называемаго умохранилища — преважное, патріотико-философико-учено-литературное! Вотъ тутъ-то мнѣ будетъ житье! подумала я — и прямо ринулась въ огромную кучу бумагъ, изготовленныхъ для печатанія толстой книжицы. Холодъ и сырость проняли меня насквозь, какъ будто я попала въ погребъ. Оглядываюсь и вижу что-то похожее на мысли. Я къ нимъ — анъ это куклы, въ какомъ-то пестромъ, шутовскомъ нарядѣ, съ чугунными крыльями, безжизненныя вывѣски пустой болтовни! Я стала искать ума — но на его мѣстѣ увидѣла какое-то тяжелое, неповоротливое, холодное созданіе, съ длиннымъ, высунувшимся языкомъ, съ косыми глазами. Это созданіе надулось на меня, фыркнуло и брызнуло въ меня желчью.... Я махнула крыльями и улетѣла!

Умъ. А вѣроятно есть люди, которые принимаютъ это за умъ и мысли!

Мысль. Объ этомъ я не слыхала. Лечу далѣе, и сквозь открытыя окна огромнаго зданія вижу множество людей, которые сидятъ за столами и скрыпятъ перьями. Вотъ тутъ-то мнѣ обрадуются, подумала я — и влетѣла въ комнаты. Одинъ изъ писавшихъ, завидѣвъ меня, закричалъ: « новая мысль, новая мысль! » И вдругъ всѣ эти господа писаки вскочили съ мѣстъ своихъ, стали махать перьями и выгонять меня изъ комнаты, какъ курицу изъ огорода, крича: « а кышъ, а кышъ! прочь, прочь отсюда! » — Я насилу выбралась по добру по здорову!

Лечу по городу, и заглядываю въ окна. Вотъ балъ! Я влетѣла въ танцовальную залу. Дамы гонятъ меня отъ себя вѣеромъ, мужчины отмахиваются отъ меня

какъ отъ комара — перчатками. Я къ карточному столику — и бухъ въ сѣдую голову одного изъ игроковъ. Умъ его спалъ покойно, но вдругъ проснулся и сталъ меня распрашивать откуда я, зачѣмъ, куда — а между тѣмъ хозяинъ головы проигралъ огромный роберъ, съ пари — и умъ попросилъ меня удалиться, чтобъ не раззорить хозяина. Въ гостиной сидѣли нѣсколько человѣкъ съ важнымъ взглядомъ, и разговаривали между собою, пресеріозно, съ какимъ то таинственнымъ видомъ. Я думала, что пригожусь имъ — но ни въ одной головѣ не нашла для себя мѣста. Голова у каждаго изъ этихъ важныхъ господъ набита была, съ верху до низу, мелочами, и мнѣ негдѣ было даже присѣсть. Я улетѣла съ бала.

Въ окно одного дома вижу человѣка за письменнымъ столомъ. Я къ нему! Взглянула на бумагу — и вижу стихи!

Вотъ кстати попала, подумала я — и прямо къ нему въ голову. Тощій умишка, изнеможенный усиліями, надулся на меня, какъ голодная мышь на крупу. — « Зачѣмъ ты появилась здѣсь! » сказалъ онъ гнѣвно. — « Да вѣдь хозяинъ твой поэтъ! » отвѣчала я. — « Поэтъ! Гдѣ теперь поэты! Хозяинъ мой стихотворецъ, а не поэтъ! — Ему вовсе ненужны мысли — ему надобны гремучія слова, риѳмы, или ритмъ, размѣръ, когда пишетъ бѣлыми стихами, безъ риѳмъ, или правильнѣе рубленою прозою, которая теперь въ большой модѣ. Нѣтъ ли у тебя чего нибудь трескучаго, гремучаго, дикаго, колючаго, новыхъ словъ, новыхъ рѣченій? »—«Помилуй, какъ можно требовать этого отъ мысли! » возразила я.— « Развѣ я за словами и фразами летаю по поднебесью, опускаюсь внутрь земли и въ глубину морей! Развѣ словъ ищу я,

проникая сквозь сердце человѣческое! Высочайшая поэзія — міроздание — и изъ этой-то поэзіи я извлекаю мои соты, чтобъ питать ими истинныхъ поэтовъ!»
.... Убирайся къ чорту, съ своей болтовней! закричалъ мнѣ грозно тощій умишка стихотворца. «Смотри, какъ мой хозяинъ потѣетъ и надувается, чтобъ пріискать риѳму! Надобно пособить ему. Видишь ли, что за важные предметы описываетъ онъ: стаканъ, бутылку, самоваръ, телѣжку, галоши, перчатки, собаченку»... Я улетѣла.

Я думала найти убѣжище у словесниковъ, повѣствователей, романистовъ. Меня они выгнали: «Намъ надобно не мыслей, а завязки, приключеній, карикатуръ,» говорили мнѣ со всѣхъ сторонъ. Драматурги вѣжливо выпроводили меня, сказавъ, что имъ нужно эффектовъ или шутовства — а не мыслей. Я бросилась

къ историкамъ — а они даже не хотѣли бесѣдовать со мною.... Въ отчаяньѣ я возвратилась домой, и прошу у васъ, папенька, прощенья!»...

Умъ. А вѣдь ты не хотѣла мнѣ вѣрить, когда я говорилъ, что тебѣ теперь нѣтъ мѣста на землѣ, что тебя или сколѣчатъ въ печатномъ станкѣ, или упрячутъ въ паровой котелъ, или пустятъ въ биржевую спекуляцію, или запрутъ въ пыльномъ архивѣ. Ложись и отдыхай, а если тебѣ наскучитъ тѣсное жилище въ головѣ — утѣшься тѣмъ, что ты — безсмертна! Вѣки для тебя то же, что минуты. Исчезнутъ цѣлыя поколѣнія съ лица земли — а ты все будешь жить и найдешь наконецъ людей, которые сами тебя отыщутъ, превознесутъ и возвеличатъ, а чтобъ тебѣ не было скучно — вотъ тебѣ *Горе отъ ума* любовника твоего, Грибоѣдова. Тутъ что

слово, то мысль, и ты можешь играть съ ними и тѣшиться — какъ тебѣ угодно!

ПУТЕШЕСТВІЕ.

ПУТЕШЕСТВІЕ КЪ АНТИПОДАМЪ

на

ЦѢЛЕБНЫЙ ОСТРОВЪ.

Прощайте, любезные мои читатели! Благодарю васъ за ваше ко мнѣ расположеніе и благосклонность! Уѣзжаю отсюда — и вѣроятно, навсегда! Вы, можетъ

быть, хотите знать, почему я уѣзжаю, когда мнѣ было такъ хорошо здѣсь, что нашлись даже люди, которые завидовали моей участи! И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть завиднѣе участи человѣка, который работаетъ, иногда, десять часовъ въ сутки — и не умираетъ съ голоду, который на гражданскомъ поприщѣ сидитъ цѣлый вѣкъ на мели, между тѣмъ, какъ два поколѣнія плывутъ мимо его, вверхъ по теченію! Нѣтъ спора, что нельзя не позавидовать участи Русскаго литератора, котораго можетъ бранить, *печатно*, каждый заплатившій пять рублей за его труды, и словесно каждый старшій, потому что литераторъ, отставъ въ чинахъ, добровольно подчиняется начальству всѣхъ и каждаго, кому объ немъ вѣдать надлежитъ — и наконецъ, какъ не завидовать участи человѣка, которому каждый можетъ сдѣлать зло, и никто не можетъ сдѣлать добра — потому онъ не

принадлежитъ ни къ какой части, ни къ какому отдѣленію, слѣдовательно и сдѣлать добро литератору — ни по чьей части! Не правда ли, что это презавидная участь? Вы вѣрно подумаете, что я уѣзжаю отъ враговъ моихъ! Ошибаетесь! Правда, у меня ихъ довольно — нечего сказать. Да и какой былъ бы я журналистъ, критикъ и сатирикъ, если бъ у меня не было враговъ! Горе писателю, котораго любитъ вся пишущая братья! Впрочемъ не только въ литературѣ, но и на каждомъ поприщѣ, человѣкъ, *не имѣющій враговъ, не достоинъ имѣть друзей!* Что до меня касается, то я чрезвычайно люблю враговъ моихъ, и если бъ могъ подчинить сердце разсудку, то любилъ бы даже враговъ моихъ болѣе, нежели друзей, потому что друзья только *желаютъ* мнѣ добра, а враги — сущіе мои благодѣтели, *дѣлаютъ* мнѣ добро! Кто распространяетъ извѣстность мою въ

Россіи и за границею? Кто печатаетъ *объявленія* о моихъ сочиненіяхъ? Кто заставляетъ ихъ покупать? Кто принудилъ публику принимать мою сторону? Враги, милые, любезные враги мои, печатая пристрастныя критики, порицая, не кстати, все, что только выйдетъ изъ подъ пера моего, и изображая меня сущимъ змѣемъ-горыничемъ! Разумѣется, что клеветать печатно у насъ нельзя — но можно грязнить намѣками — въ повѣстяхъ, романахъ и водевиляхъ. Все это сдѣлано противъ меня, со всеусердіемъ и аккуратностію! Наконецъ люди захотѣли навести справки, свѣрить на дѣлѣ, что говорятъ и пишутъ обо мнѣ милые враги мои, и удостовѣрились, что я не такъ глупъ и безталантливъ, какъ говорятъ враги. Люди стали отыскивать то зло, которое я, по мнѣнію враговъ моихъ, надѣлалъ на Земномъ Шарѣ — и не нашли вовсе ни обманутыхъ, ни оклеветан-

ныхъ, ни ограбленныхъ мною, этимъ змѣемъ-горыничемъ! Кончилось тѣмъ, что люди, (разумѣется, умные и честные) перестали вѣрить милымъ врагамъ моимъ, и убѣдились въ противномъ! Скажите послѣ этого, не сущіе ли благодѣтели враги мои? Они тогда были бы мои злодѣи, тогда бы надѣлали мнѣ зла и повредили въ мнѣніи публики, когда бъ сами писали умно, занимательно, критиковали безпристрастно и вѣжливо, и говорили обо мнѣ правду. Тогда бы публика обратилась къ нимъ, а меня забыла, какъ обыкновенно забываютъ старыхъ слугъ — тогда бы я пропалъ! А враги мои, напротивъ, дѣлаютъ все зависящее отъ нихъ, чтобъ поддерживать меня въ общемъ мнѣніи. Какъ же мнѣ не любить ихъ?

Любя враговъ моихъ, я долженъ быть справедливъ въ отношеніи къ нимъ, а

потому сознаюсь, что они не безъ основанія гнѣваются на меня, и что имъ не возможно любить и хвалить меня!

Враги мои люди безкорыстные: они трудятся изъ одной пречистой любви къ Словесности, какъ они сами говорятъ объ этомъ, а я по ихъ словамъ, литературный торгашъ и спекулянтъ, т. е. я *продаю* мои сочиненія и ихъ *раскупаютъ*. Почему знать, быть можетъ и правда, что я безъ вины виноватъ въ томъ, что сочиненія враговъ моихъ расходятся весьма плохо. Хотя я не дерзаю сравнивать себя ни съ Шатобріаномъ, ни съ Вальтеръ-Скоттомъ, ни съ Бейрономъ, ни съ Гюго и Дюма — но и они точно такіе же *торгаши*, какъ я грѣшный, т. е. и они пишутъ, печатаютъ и отдаютъ сочиненія свои книгопродавцамъ, для продажи. Положимъ, что товаръ этихъ господъ лучше моего — но фактъ тотъ

же. Однако жъ, примѣръ другихъ не есть оправданіе, и я признаю себя виновнымъ въ томъ, что сочиненія мои *продаются* и *раскупаются*! Правда, я не имѣю ни лавокъ, ни конторъ для продажи моихъ сочиненій, и ихъ никто изъ чиновныхъ лицъ не навязываетъ купцамъ и помѣщикамъ внутри Россіи — да мнѣ это вовсе и не нужно, благодаря Бога! Любезнѣйшіе враги мои напротивъ имѣютъ свои конторы, продаютъ свои изданія по рекомендаціи, и не забываютъ обо мнѣ, т. е. публикуютъ о моихъ сочиненіяхъ.... Чтобъ не приняли дѣла за кумовство, милые враги мои публикуютъ о моихъ сочиненіяхъ въ видѣ *брани* — и это для меня гораздо полезнѣе. О милые враги мои! какъ я вамъ благодаренъ, и охотно признаю ваше безкорыстіе, хотя вы также не отдаете даромъ ни одного листика изъ вашихъ писаній!

И такъ видите ли, что я уѣзжаю отсюда не отъ враговъ моихъ, потому что я почитаю ихъ моими благодѣтелями. Нѣтъ, признаюсь, мнѣ ужасно наскучила такъ называемая цивилизація, или образованность нашего вѣка, съ ея ложнымъ блескомъ, тьмою безтолковыхъ и безмысленныхъ журналовъ и безчувственною и безжизненною литературою, съ ея жадностью богатства и спекуляціями, съ ея завистью и макіавелисмомъ. Эта образованность расчетливаго вѣка навела на меня хандру! — Поѣду къ людямъ дикимъ, къ сынамъ природы, которыхъ одинъ знакомецъ мой, Американскій корабельный капитанъ, взялся цивилизировать, т. е. просвѣщать. Намѣреніе благое, похвальное, и мнѣ захотѣлось быть участникомъ въ этомъ добромъ дѣлѣ. Капитанъ рѣшился отыскивать новыя неизвѣстныя земли, новыхъ людей, въ моряхъ Южнаго Полушарія, т. е. между нашими ан-

типодами, людьми съ которыми мы могли бы удариться подошва въ подошву, еслибъ насъ не раздѣляла толща Земнаго Шара.

Когда мы вышли изъ Европейскихъ береговъ, и вступили въ Атлантическій Океанъ, морякамъ было болѣе досуга, и капитанъ имѣлъ болѣе времени разговаривать со мною, потому что чѣмъ море обширнѣе, тѣмъ плаваніе безопаснѣе. Море для корабля, то же что просторъ для ума...

— « Любезный капитанъ! » сказалъ я однажды: « предпринявъ просвѣщать дикихъ людей, вы вѣрно запаслись сѣменами различныхъ полезныхъ растеній, земледѣльческими орудіями, машинами и т. п. Это вѣрно уложено у васъ въ трюмѣ, потому что я не вижу ничего

этого наверху. Но я удивляюсь, что вы не взяли съ собою нашихъ домашнихъ животныхъ. Я не вижу здѣсь ни коровъ, ни лошадей, ни овецъ! »....

Капитанъ улыбался и молчалъ.

— « Я бы на вашемъ мѣстѣ, взялъ хоть одну паровую машину »....

Капитанъ прервалъ слова мои громкимъ хохотомъ. — « Паровъ здѣсь довольно!» сказалъ онъ. « Корабль мой нагруженъ одною *водкою!* »

Я вздрогнулъ и вскрикнулъ отъ удивленія. « Какъ! Вы ѣдете просвѣщать дикихъ людей и везете къ нимъ — водку! » —

— « Что жъ васъ удивляетъ!» возразилъ капитанъ хладнокровно: « Читали

ли вы Исторію Америки Робертсона, и *Всемірнаго Путешественника* Аббата де ла Порты?»

— «Читалъ!»

— «И такъ вы должны знать,» примолвилъ капитанъ: «что ни что не послужило столько Европейцамъ къ порабощенію дикихъ народовъ — какъ водка! Она дѣйствовала сильнѣе пороха и всѣхъ прочихъ изобрѣтеній Европейской хитрости. Вѣрьте мнѣ, что если бъ Мусульмане пили водку, вся Азія давно была бы во власти Европейцевъ, и мы точно такъ же покупали бы за водку азіятскихъ хановъ и пашей, какъ теперь покупаемъ африканскихъ кациковъ»...

— «Но вѣдь вы ѣдете не покорять, а просвѣщать дикихъ,» возразилъ я.

— « Все равно! » отвѣчалъ капитанъ: « послушаютъ ли меня дикари, когда я имъ стану толковать о томъ, что выше ихъ умственныхъ силъ и понятій! Прежде надобно заставить повиноваться, а послѣ уже помышлять о нововведеніяхъ.»

Я не зналъ, что отвѣчать капитану: хотя я не соглашался съ нимъ, но не могъ спорить, потому что онъ насмѣхался надъ всѣми теоріями, вѣрилъ одной практикѣ. Съ тѣхъ поръ мы уже не говорили съ капитаномъ объ этомъ предметѣ.

Между тѣмъ, мы перешли экваторъ, обогнули Новую Голландію, и противу Фанъ-Дименовой Земли спустились на югъ. Вѣтеръ намъ постоянно благопріятствовалъ, и мы вскорѣ увидѣли льды южнаго полюса и крайній предѣлъ человѣческихъ открытій. Капитанъ пово-

ротилъ корабль, и сталъ лавировать въ открытомъ морѣ.

Чрезъ нѣсколько дней, передъ восхожденіемъ солнца, сторожевой матросъ на марсѣ, закричалъ: «*берегъ!*»

Капитанъ бросился къ картѣ, измѣрилъ широту и долготу, въ которыхъ мы находились, и объявилъ, что это неизвѣстный островъ, не означенный ни на одной морской картѣ. Капитанъ и весь экипажъ пришли въ восторгъ, замѣтивъ на островѣ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ — дымъ. Это было доказательствомъ, что здѣсь живутъ люди, и притомъ не вовсе дикіе, потому что уже знаютъ употребленіе огня. Мы направили путь къ острову, и бросили якорь въ небольшомъ заливѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ утесистаго берега. Капитанъ велѣлъ немедленно спустить на воду

ботъ, и, взявъ съ собой нѣсколько вооруженныхъ матросовъ, отправился на берегъ, на которомъ, однако жъ, не видно было ни жилищъ, ни людей. Я просилъ капитана взять меня — но онъ рѣшительно отказалъ, возразивъ, что положилъ себѣ правиломъ не подвергать опасности пассажировъ. Я не смѣлъ настаивать — и остался на кораблѣ.

Причаливъ къ берегу, капитанъ оставилъ при лодкѣ половину своего отряда, съ отборными стрѣлками полѣзъ на скалы, и вскорѣ скрылся у насъ изъ вида. Прошелъ часъ, другой, третій — капитанъ съ своими людьми не являлся на высокомъ берегу, и мы начали безпокоиться. Я предложилъ отправиться на другомъ ботѣ, съ нѣсколькими матросами, чтобъ узнать объ участи, постигшей капитана — но штурманъ не согласился на это, сказавъ, что нельзя оста-

влять корабля, безъ достаточнаго экипажа, и что если бъ капитану предстояла какая либо опасность, то мы услышали бы ружейные выстрѣлы и увидѣли бы дымъ сигнальной ракеты, которою онъ запасся, на всякій случай. Слова штурмана не успокоивали однако жъ меня, какъ вдругъ на вершинѣ скалъ, мы увидѣли капитана съ толпою людей. Мы навели нашу подзорную трубу, и увидѣли, что матросы стояли поодаль, а капитана окружали безоружные люди, въ Европейскомъ платьѣ. Лицъ, однако жъ, мы не могли отличить въ отдаленіи — но ясно видѣли, что эти люди махали намъ платками и шляпами. Наконецъ капитанъ простился съ островитянами, сѣлъ въ свой ботъ, и отплылъ отъ берега. Лишь только капитанъ взошелъ на корабль, онъ подошелъ ко мнѣ, взялъ меня за руку, крѣпко пожалъ ее, и значительно улыбнувшись, сказалъ: «Я

привезъ вамъ искренній привѣтъ отъ друзей вашихъ!»

— «Друзья мои.... здѣсь! Помилуйте! ... Да вѣдь я бѣжалъ отъ людей, отъ Европейцевъ... я хочу жить съ дикими!»

Капитанъ смѣялся надъ моимъ замѣшательствомъ, и на мои распросы отвѣчалъ одно: «Я далъ честное слово не говорить вамъ, кого вы здѣсь встрѣтите; но увѣряю, что это искренніе друзья ваши и почитатели! Завтра мы званы къ нимъ обѣдать!»

— «Ни за что не поѣду! Если бъ меня позвали дикіе, на сырое медвѣжье мясо, то я съ радостью бы принялъ предложеніе.... но на Европейскомъ обѣдѣ литератору хуже, чѣмъ пѣтуху на вертелѣ! Не могу вспомнить безъ ужаса

объ этихъ литературныхъ толкахъ.... распросахъ.... вопросахъ!....

— « Воля ваша,» возразилъ капитанъ, « но я далъ за васъ честное слово — и вы не захотите выставить меня лжецомъ. Впрочемъ, клянусь вамъ, что вы останетесь довольны! Предобрые ребята!»...

Мнѣ не хотѣлось спорить съ капитаномъ, и я согласился, столько же изъ угожденія ему, сколько изъ любопытства. Что это за друзья мои, на неизвѣстномъ островѣ въ Южномъ Океанѣ, у Антиподовъ! Это меня наконецъ стало занимать. Любопытство побѣдило отвращеніе отъ связей съ Европейцами.

На другой день, въ полдень, мы отправились на берегъ. Вмѣсто оружія капитанъ велѣлъ спустить въ ботъ ящикъ съ шампанскимъ виномъ и ящикъ съ

различными крѣпкими напитками, и примолвилъ, поглядывая лукаво на меня: «оружіе, побѣждающее и враговъ и друзей!»

Когда мы взобрались на скалу, взорамъ нашимъ открылась восхитительная долина, въ нѣсколько квадратныхъ верстъ, поросшая прелестнѣйшими тропическими деревьями и растеніями. Пальмы, бананы, кокосовыя деревья возвышались среди душистыхъ кустарниковъ. Извилистый ручей протекалъ между цвѣтовъ, по бархату. Въ серединѣ долины, на возвышеніи — стояло большое строеніе, въ родѣ сарая, обвитое съ верху до низу виноградными лозами. Мы пошли къ этому строенію. Входимъ въ двери — и видимъ столъ, покрытый банановыми листьями, на которомъ, вмѣсто Европейскаго фарфора и стекла, поставлены тарелки и стаканы изъ кокосовой

скорлупы и какого-то минерала, похожаго на лапись-лазули. Въ залѣ было нѣсколько служителей, также Европейцевъ — и одинъ изъ нихъ пошелъ доложить объ насъ господамъ.

Огромная дверь изъ другой половины сарая отворилась и въ залу вошли шумною толпою.... кто бы вы думали?.... Всѣ враги мои, всѣ мои литературные противники и ненавистники! Я отступилъ на шагъ.... и признаюсь... потерялъ присутствіе духа!

Было со мною много странныхъ случаевъ въ жизни; однако жъ, я никогда не бывалъ въ такомъ замѣшательствѣ, какъ въ эту минуту, очутившись посреди враговъ, въ странѣ Антиподовъ! Помню, когда однажды, давнымъ-давно, вошелъ я въ типографію, и услышалъ чрезъ двери ужасный шумъ и неистовые клики

въ квартирѣ типографщика. Я сталъ прислушиваться, и при звукѣ бокаловъ и радостныхъ вопляхъ услышалъ мое имя « Ура! Да погибнетъ онъ во вѣки вѣковъ! » восклицали въ нѣсколько голосовъ. Кто тутъ? спросилъ я у фактора. «Члены компаніи, составившейся для изданіи новаго журнала, или правильнѣе, для обновленія стараго! » Я расхохотался и пошелъ весело домой. И вотъ всѣ эти добрые люди предо мною, на островѣ Южнаго Океана, за экваторомъ! Чудеса — да и только! Какъ тутъ не потерять присутствія духа!

Но теперь эти господа не провозглашали моей погибели. Напротивъ, они вѣжливо мнѣ поклонились, и одинъ изъ нихъ приказалъ подавать кушанье, а двое другихъ взяли меня подъ руки и посадили на почетномъ мѣстѣ. Каждый

изъ этихъ господъ дружески обнялъ меня, крѣпко пожалъ руки, братски поцѣловалъ, и сѣлъ на свое мѣсто. Я не зналъ, что думать объ этомъ! Цѣловался, пожималъ руки, старался привѣтливо улыбаться — и молчалъ!

Чувствовалъ я, однако жъ, что долженъ былъ казаться смѣшнымъ въ этомъ положеніи, и что улыбка моя походила на гримасу....

Подали кушанье, жареныхъ льямъ, паштеты изъ колибри, драгоцѣнные плоды южные, и принесли ящикъ шампанскаго. Я ѣлъ почти машинально, для того только, чтобъ скрыть мое смущеніе, и почти не слыхалъ, что вокругъ говорили. Наконецъ, когда разлили шампанское въ скорлупы кокосовыхъ орѣховъ, одинъ изъ самыхъ старинныхъ и непримиримѣйшій изъ враговъ всталъ съ мѣ-

ста, и держа въ рукахъ скорлупу съ виномъ, обратился ко мнѣ съ слѣдующею рѣчью:

— «Теперь, узнайте тайну! Островъ этотъ, не означенный на морскихъ картахъ, извѣстенъ только одному Французскому врачу, которому случайно удалось открыть его. Климатъ здѣшній и растительность имѣютъ свойство излечать отъ заразительной болѣзни, господствующей въ Европѣ, болѣзни тѣмъ ужаснѣе, что больной не чувствуетъ ея дѣйствія, и постепенно доходитъ до бѣшенства. Болѣзнь эта изъ рода *маніи* (т. е. помѣшательства ума на одномъ предметѣ), происходитъ отъ слiянiя тщеславiя, эгоисма и самолюбiя. Всѣ мы, которыхъ вы здѣсь видите — страдали этою болѣзнью, и дѣлали величайшiя глупости, воображая себя великими мужами! Я, напримѣръ.... (ораторъ захохоталъ).... я

воображалъ, что я великій поэтъ! Пріятельскія и родственныя связи съ нѣкоторыми литераторами развили во мнѣ эту несчастную болѣзнь! Высокомѣріе мое было такъ велико, что я вѣрилъ, будто бы подъ моимъ перомъ предметы самые обыкновенные, напримѣръ.... телѣжка, самоваръ.... могутъ превратиться въ поэзію, какъ все превращалось въ золото отъ прикосновенія Мидаса. — Мало этого! Я помѣшался на предисловіяхъ и біографіяхъ!.... писалъ, писалъ, и ничего никогда не кончилъ, а что слѣпилъ кое-какъ, это такъ пошло и вяло.... что я далъ бы теперь половину того имѣнія, которое, сказать мимоходомъ, давно уже промотано — чтобъ ничего этого не существовало.... Вы (*обращаясь ко мнѣ*)..... вы говорили мнѣ правду, говорили всенародно, доказывали, что я не имѣю піитическаго таланта, что принимаю охоту слагать риѳмы за та-

лантъ.... вы выставили меня смѣшнымъ въ изображеніи барельефовъ Гомеровыхъ пировъ..... словомъ, вы были справедливы!..... Но, одержимый несчастнымъ недугомъ, я ненавидѣлъ васъ до такой степени, что одно имя ваше, произнесенное передо мною нечаянно, производило во мнѣ лихорадку и судороги! Я старался вредить вамъ по возможности, и какъ вы, по занятіямъ своимъ, должны были отказаться отъ свѣтской жизни, то я клеветалъ на васъ въ обществахъ, при помощи всѣхъ этихъ господъ, моихъ пріятелей! Въ одномъ мѣстѣ говорилъ я, что вы соглядатай, а въ другомъ, что вы вольнодумецъ! Вездѣ, гдѣ только удавалось мнѣ писать о литературѣ — я намѣками изображалъ васъ злодѣемъ, разбойникомъ! Простите мнѣ!..... я не виноватъ.... причиною болѣзнь! Теперь я вижу дѣло ясно.... За здоровье нашего неумолимаго критика!.... Ура!»....

Ораторъ выпилъ — и всѣ послѣдовали его примѣру, восклицая *ура* — и потомъ всѣ снова дружески обняли меня!

— «Помилуйте!» сказалъ блѣдный, черный, изсохшій человѣчекъ: «я былъ гораздо смѣшнѣе! Извѣстно, что каждый неглупый человѣкъ можетъ написать стишки или литературную статейку, которые съ поправками пріятелей, пройдутъ незамѣтно въ журналахъ.... Но *я*.... *я* воображалъ себя всемірнымъ геніемъ, первостепеннымъ писателемъ по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ познаній и первымъ словесникомъ: Бентамомъ, Тэромъ, Фетисомъ (*), Берцеліусомъ, Гофманомъ, Бальзакомъ, Кампе, и наконецъ Шеллингомъ и Гегелемъ!.... Я хотѣлъ покорить своей власти литературу, сочинялъ пла-

(*) Извѣстный музыкальный критикъ.

ны для журналовъ и книжныхъ лавокъ на акціяхъ... Словомъ, дурачился... былъ смѣшонъ, какъ нельзя болѣе... За то и вы порядкомъ протирали мнѣ глаза!.... Я былъ врагъ вамъ..... а вотъ теперь рука моя.... теперь вижу, что покойный Грибоѣдовъ говорилъ мнѣ объ васъ правду!»

Я молчалъ, цѣловался, пожималъ руки, дѣлалъ чего отъ меня требовали — не постигая всего этого!....

— «Чокнемся,» сказалъ улыбаясь высокій парень, съ раздутымъ лицемъ. «Вѣдь мы съ тобою были нѣкогда пріятелями, а прогнѣвался я на тебя, въ припадкѣ болѣзни, когда ты не хотѣлъ признать меня преобразователемъ драмы и драматическаго искусства.... драматургомъ — превыше Лопеса де Вега, Каль-

дерона, Шекспира и Шиллера!.... Ну, выпьемъ же... благо есть случай выпить!»... (*Я чокнулся моею скорлупою и выпилъ.*) « Какой я геній, » продолжалъ ораторъ: « просто дюжинный писатель, на какихъ въ Германіи и во Франціи и смотрѣть не хотятъ!... А у насъ... вы же, господа журналисты свели меня съ ума, хваля мои пустяки, за то что я добрый малой.... и даже заставляя книжниковъ платить мнѣ... Слава Богу... теперь я излечился, и вижу что мнѣ надобно еще крѣпко поучиться Русской грамотѣ.... Но что толковать — обнимемся! »

И этого парня долженъ былъ я прижать къ сердцу! Я боюсь наскучить вамъ, любезные читатели, повтореніемъ всѣхъ признаній любезныхъ моихъ противниковъ, и подробнымъ описаніемъ всѣхъ ихъ нѣжностей со мною. Особен-

но удивляли меня сознанія тѣхъ изъ нихъ, противу которыхъ я даже ничего не писалъ, и которые объявили мнѣ теперь, что были врагами моими единственно для того, чтобъ враждою ко мнѣ *выслужиться* у моихъ противниковъ, имѣвшихъ нѣкоторый вѣсъ и силу въ обществѣ, по своему свѣтскому положенію. « Вы знаете очень хорошо, » сказалъ мнѣ одинъ изъ тѣхъ враговъ моихъ, которыхъ я не трогалъ перомъ моимъ: «что злая судьбина помѣстила меня на самой низшей ступени общества, и что безъ таланта, безъ познанія своего языка и языковъ чужеземныхъ — мнѣ ничего не оставалось, какъ развѣ обучать всю жизнь дѣтей азбукѣ! Добрый пріятель далъ мнѣ благой совѣтъ, и я сталъ писать альбомные стихи для дамъ и похвальныя слова — писателямъ съ вѣсомъ — и теперь слава Богу — я значу что нибудь въ свѣтѣ! Вы совершенно будете правы,

если скажете, что въ похвальныхъ словахъ моихъ нѣтъ ни здраваго смысла, ни логики — что фразы мои не легкіе мыльные пузыри — но обыкновенные пузыри съ сухимъ горохомъ, которые шалуны-мальчишки привязываютъ къ хвосту кота.... Стихи мои ужъ точно не стихи, а литературные грѣхи!.... Однако жъ, этимъ я выкарабкался изъ грязи.... и разумѣется, что я долженствовалъ быть вашимъ врагомъ: покровители мои были вашими врагами»....

Я наконецъ вышелъ изъ терпѣнія. — «Помилуйте!» сказалъ я: «да развѣ я не хвалилъ хорошаго и въ самыхъ жестокихъ моихъ противникахъ, въ клеветникахъ моихъ? Развѣ я умалчивалъ, когда нибудь, о хорошей сторонѣ въ сочиненіи — выставляя дурное? Развѣ я унижалъ истинный талантъ? За что же эти Олимпійскіе боги злились на меня!»....

— « Мало того, чтобъ хвалить — надобно *служить* тѣмъ, которые признаютъ себя начальниками литературныхъ партій — надобно хвалить и бранить каждаго, кого они велятъ — не имѣть собственнаго мнѣнія, и держать на привязи бульдога, котораго, по первому слову, должно спускать на кого вамъ прикажутъ» — примолвилъ черножелтый человѣкъ, похожій на ящерицу. « Вотъ видите ли — я самъ ничего не пишу и не писалъ, кромѣ двухъ, трехъ мелкихъ компиляцій — а между тѣмъ я избранъ журналистомъ для того только, чтобъ служить орудіемъ чужой мести... Но излечившись — я прошу у васъ прощенія, и отказываюсь отъ моего пузатопустаго журнала, котораго вѣсъ составляла одна желчь! »....

Тутъ хотѣлъ объясняться со мною какой-то мелкотравчатый водевилистъ...

но онъ заговорилъ такъ глупо, что сами же пріятели зажали ему ротъ....

— « Господа! » сказалъ я, утомленный этими несносными признаніями, изможженный объятіями моихъ противниковъ. — « Отъ всей души прощаю вамъ все, въ чемъ только вы признаете себя виновными..... но я такъ усталъ.... что позвольте мнѣ удалиться! Господинъ капитанъ.... если вы остаетесь здѣсь, прикажите отвезти меня на корабль!»....

— « Но мы поѣдемъ вмѣстѣ въ Европу! » воскликнули со всѣхъ сторонъ.... « курсъ нашего леченія кончился, и мы уже условились съ капитаномъ»....

— « Въ этомъ прошу извинить меня! сказалъ я, торжественно. « Въ Европу я не возвращусь! Этотъ островъ не такъ обширенъ, чтобъ можно было помѣстить на немъ всѣхъ страждущихъ вашею бо-

лѣзнію, а въ Европѣ я всегда найду людей, которые будутъ питать ко мнѣ вражду, пока я буду имѣть кусокъ хлѣба, пріобрѣтеннаго трудомъ! Честною и видимою работою нажилъ я кусокъ земли въ Европѣ, и это самое вооружило противу меня зависть и ненависть! — Попробую пріобрѣсть обманомъ, сутяжничествомъ или лихоимствомъ богатую вотчину, золотые рудники, или даже цѣлый островъ у Антиподовъ — и тогда, вмѣсто завистниковъ, буду имѣть почитателей, пріятныхъ собесѣдниковъ и искреннихъ друзей... по Французской поговоркѣ : qui se ressemble, s'assemble — что соотвѣтствуетъ Русской пословицѣ: « воронъ ворону глаза не выклюнетъ. » —

Что это: сказка или правда, сонъ или мечта? Право не умѣю отвѣчать — но знаю, что и въ сказкѣ, и во снѣ, и въ мечтѣ бываетъ иногда правда или что нибудь похожее на правду!

КОМАРИКИ.

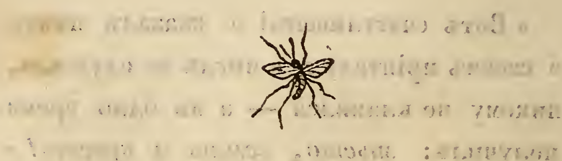

КОМАРИКИ.

« Вотъ счастливецъ! » сказалъ нѣкто о своемъ пріятелѣ: « нигдѣ не служилъ, никому не кланялся — а въ одно время получилъ: *мѣсто*, *землю* и *крестъ!* » Какимъ же образомъ? спросилъ другой: — « Очень просто: *слегъ въ могилу!* »

Одинъ богатый дворянинъ, влюбившись въ прекрасную и умную Французскую актрису, написалъ къ ней письмо, въ которомъ предлагалъ ей свое сердце и богатство. Письмо заключилъ онъ, кстати или не кстати, французскою поговоркою: l'homme propose, Dieu dispose (т. е. человѣкъ предполагаетъ, Богъ располагаетъ.) Умная актриса отвѣчала на письмо: l'homme propose, la femme accepte (т. е. мужчина предлагаетъ, женщина принимаетъ).

Два журналиста пріѣхали въ каретѣ въ присутственное мѣсто. Одинъ изъ нихъ пошелъ къ начальнику канцеляріи, а другой остался въ пріемной, и остано-

вился у окна. Одинъ изъ чиновниковъ, посмотрѣвъ въ окно, спросилъ у журналиста: « Неужели это карета вашего товарища? » — « А развѣ только однимъ взяточникамъ ѣздить въ каретѣ! » возразилъ журналистъ. Этимъ разговоръ кончился.

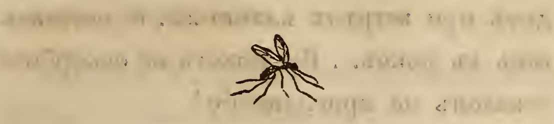
Что вы думаете о N. N.? Не правда ли, это что-то въ родѣ Катона! Онъ бранитъ всѣхъ, рожденныхъ въ XVIII вѣкѣ, потому что тогда брали взятки, и безпрестанно говоритъ о своей честности и безкорыстіи.... « Этому человѣку я не повѣрилъ бы одного гроша безъ свидѣтелей,» отвѣчалъ пріятель. Почему же?

« Потому что истинно честные и безкорыстные люди сами не знаютъ объ этомъ, слѣдовательно и не хвастаютъ тѣмъ, что почитаютъ дѣломъ обыкновеннымъ. Точно такъ же, какъ одни дураки хвастаютъ умомъ своимъ — плуты хвастаютъ честностью... это въ ожиданіи случая. »

Одна дама сказала извѣстному литератору: « Сколько я ни доискивалась, но никакъ не могла узнать, почему объ васъ говорятъ дурно. » — « Потому именно, что я не вожусь съ дурными людьми,» отвѣчалъ литераторъ. — « Вѣдь хорошіе люди не клевещутъ! »

На что нужна голова людямъ, которые ничего не читаютъ? Они переваривають пищу головою, — а думаютъ желудкомъ.

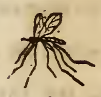

« Жаль, что ты не служишь! » сказалъ нѣкто изъ важныхъ бѣдному литератору: « люди умные и съ дарованіями должны служить на пользу отечества. » Такъ зачѣмъ же служишь — ты?... подумалъ литераторъ. —

« Вы жалуетесь, что васъ забываютъ, что на васъ не обращаютъ вниманія! *Поищите* между людьми, которые могутъ что нибудь сдѣлать для васъ »... « Пробовалъ *искать* — да *темно* — ничего не вижу! »

Если вамъ нельзя удалиться въ пустыню, а вы хотите жить въ уединенiи, въ большомъ городѣ, старайтесь прослыть неглупымъ и откровеннымъ... Вамъ будутъ при встрѣчѣ кланяться, и оставятъ васъ въ покоѣ... Вы никого не оскорбите отказомъ на приглашенiе!

Помните ли, какимъ образомъ Сикстъ V заставилъ избрать себя въ папы? Онъ притворился хилымъ, хворымъ, полуглухимъ, полуслѣпымъ и выжившимъ изъ ума, т. е. не опаснымъ никому и близкимъ къ очисткѣ ваканцiи. Послѣ избранiя, онъ выпрямился и появился въ свѣтъ здоровымъ, веселымъ и умнымъ. Когда близкiй къ папѣ человѣкъ изъ-

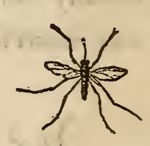
явилъ свое удивленіе на счетъ этой внезапной перемѣны, папа отвѣчалъ: «Если бъ я зналъ, что меня можно отрѣшить отъ мѣста — я бы не перемѣнился послѣ моего возвышенія!»

Зарубите на стѣнку это, господа, кому вѣдать о семъ надлежитъ!

— «Ну, что, взыскали ли вы съ вашего должника?» — «Нѣтъ.» — «Почему же?» — «Потому что взыскатели слишкомъ чувствительны. Взыскавъ однажды съ меня, эти господа взыскатели увидѣли, какъ мнѣ было это непріятно, а потому и оставили моего должника въ покоѣ. Можно ли жаловаться на нѣжность сердца и добродушіе!»

Доктора выдумываютъ мягчительные пластыри, а я не знаю ничего, что бы такъ *смягчало* — какъ ассигнаціи. Приложите ихъ къ самому твердому сердцу (т. е. въ боковой карманъ) и сердце растаетъ!

Сказываютъ, будто въ старину, въ какомъ-то судѣ, брали взятки. Пріѣхалъ новый начальникъ въ губернію, и объявилъ, что онъ будетъ безъ милосердія преслѣдовать взяточниковъ, сгонять съ мѣста и отдавать подъ судъ. Но просителямъ отъ этого стало гораздо хуже. Подьячіе потребовали вдвое: надлежало платить *страховыя*.

Нѣкто жаловался министру на чиновника Парижской Префектуры, который употребилъ во зло власть свою и оскорбилъ его. Префектъ Парижской Полиціи Графъ Рамбюто принялъ сторону своего подчиненнаго, и сказалъ простодушно челобитчику: « Вы не должны сѣтовать на меня: моя обязанность защищать моихъ подчиненныхъ. » — « Виноватъ!» отвѣчалъ челобитчикъ: « а я думалъ до сихъ поръ, что ваша обязанность состоитъ въ томъ, чтобъ, вмѣстѣ съ вашими подчиненными, защищать насъ, гражданъ города, отъ обидъ и оскорбленій! »

Нѣкто похвалялся необыкновенною своею дѣятельностью. Когда онъ вышелъ изъ комнаты, одинъ изъ слушателей сказалъ: « Отъ его дѣятельности столько пользы, какъ отъ дурнаго стрѣлка, который напрасно тратитъ порохъ и полошитъ дичь. »

Если бъ каждое дѣло обдѣлывалось умными людьми, то глупцамъ не было бы мѣста на бѣломъ свѣтѣ. Напротивъ, когда глупцы работаютъ, то это именно для того, чтобъ выставить на видъ умныхъ.

По присоединеніи Голландіи къ Франціи (во время Наполеона), одинъ префектъ новоучрежденнаго департамента писалъ къ генералу Савари: « Насъ (т. е. Французовъ) здѣсь не любятъ. » — Савари отвѣчалъ: «Чтобъ быть любимымъ, надобно быть любезнымъ. »

Знаменитому Талейрану приписываютъ фразу, что даръ слова данъ человѣку для того, чтобъ скрывать свои мысли. То, что во время Талейрана принадлежало дипломатикѣ, въ наше время перешло въ литературу. Теперь такъ пи-

шутъ, что словъ бездна, а никакъ нельзя доискаться *мыслей*.

Мнѣ приснилось, будто какой-то волшебникъ переставилъ голову моего литературнаго противника на мои плеча, а мою голову прикрѣпилъ къ его туловищу. Я такъ испугался во снѣ, что бросилъ все, убѣжалъ въ лѣсъ и жилъ тамъ, какъ Навуходоносоръ. Проснувшись, три дня страдалъ я отъ страха лихорадкою!

Говорятъ: *ищите* и *найдете*. Не правда! Хорошее никогда не валяется и не валялось. — Язонъ *не нашелъ* златое руно — а узнавъ, гдѣ оно — *похитилъ* его. Читайте повѣсть о походѣ Аргонавтовъ.

Всѣ тѣ, которые пишутъ противу женскаго пола, изображая его невѣрность, легкомысліе — всѣ эти господа — хвастуны, которые хотятъ дать почувствовать, что они пользовались женскою благосклонностью. Счастливые не жалуются!

Въ проступкахъ женщинъ всегда виноваты мужчины. Жена, любящая своего мужа, всегда вѣрна ему — и такъ женитесь не иначе, какъ по взаимной любви, а женившись не пренебрегайте жены, не пускайте ея одной по скользкой тропинкѣ жизни, умѣйте пріобрѣсть привязанность и довѣренность жены до такой степени, чтобъ вы были ей необходимымъ спутникомъ. Женившись же безъ взаимной любви или по расчету, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ (а иногда даже и съ перваго года женитьбы) живя какъ холостой и оставляя женѣ полную свободу — какъ можно требовать отъ нея геройскаго самоотверженія для человѣка, который ее пренебрегаетъ! Требовать же вѣрности отъ любовницы — просто смѣшно!

Вы спросите: а зачѣмъ женщины выходятъ за мужъ — безъ любви къ жениху? Бѣдныя женщины! Вы оскорбляете ихъ этимъ вопросомъ. Вникните въ ихъ положеніе въ обществѣ. Что бы вы сказали о дѣвицѣ, которая была бы влюблена въ мужчину, не въ мужа и не въ жениха? Можетъ ли она выбирать по сердцу, можетъ ли посвататься?.... Довольно того, если женихъ ей не противенъ: въ такомъ случаѣ, умомъ, нѣжностью, любовью, деликатностью въ обхожденіи, легко снискать истинную любовь, основанную на дружбѣ. И это самая прочная любовь!

Клубы и кофейные домы, въ которыхъ англійскіе, нѣмецкіе и французскіе граждане проводятъ большую часть вечеровъ зимою и осенью, выдуманы или амуромъ или.... сатаною!....

Я никогда не женился бы на женщинѣ, которая среди бѣлаго дня разъѣзжаетъ по городу въ папильотахъ, въ открытомъ экипажѣ — и почти лежа!

Я никогда не жеиился бы на женщинѣ, которая въ публичномъ собранiи, при незнакомыхъ ей людяхъ, говоритъ громко, и даже позволяетъ себѣ сарказмы или остроты!

Я никогда не женился бы на женщинѣ, которая разсказываетъ странности своего мужа за глаза, и позволяетъ шутить на его счетъ, въ его отсутствiи.

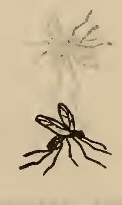
Я никогда не женился бы на женщинѣ, которая видитъ смѣшное въ своихъ родителяхъ.

Эти женщины могутъ быть очень добры и даже добродѣтельны — но онѣ не уважаютъ *общественнаго мнѣнія*... а если женщина этого не боится... сущая бѣда!

Каждый человѣкъ рекомендуетъ своего портнаго, своего сапожника, столяра, обойщика, погребщика, торговцевъ, гдѣ закупаетъ нужное для дома... самъ не зная, что въ этомъ проглядываетъ его *тщеславіе*. Это все равно, если бъ кто сказалъ: у меня *все лучшее* — я знатокъ во всемъ, и имѣю вкусъ лучше вашего. Рекомендуйте тогда только, когда васъ объ этомъ спросятъ.

Весьма умный и добрый человѣкъ (А. И. Т.), который всю жизнь провелъ въ высшемъ обществѣ, и былъ самымъ безкорыстнымъ и услужливымъ другомъ женщинъ, сказалъ мнѣ однажды: «Жен-

щины вездѣ лучше мужчинъ, а у насъ болѣе, нежели гдѣ нибудь. У насъ женщины даже гораздо образованнѣе мужчинъ. Подумайте объ этомъ, и изслѣдуйте; вы убѣдитесь въ истинѣ моихъ словъ. Я сталъ раздумывать и замѣчать, и въ теченіе двадцати лѣтъ убѣдился въ справедливости сказаннаго мнѣ.

Возьмемъ сперва дурную сторону человѣчества! Гдѣ женщина только сплетничаетъ, тамъ мужчина уже клевещетъ. Гдѣ женщина только капризничаетъ, тамъ мужчина уже бѣсится отъ гнѣва. Когда женщина только кокетничаетъ — мужчина уже интригуетъ. Когда

женщина дерзаетъ задолжать въ магазинѣ — мужчина или спекулируетъ на пропалую, или.... посягаетъ на чужую собственность, чтобъ удовлетворить своимъ прихотямъ и роскоши. Когда женщина только гнѣвается, мужчина мститъ или уже дерется. Когда женщина сердится, мужчина ненавидитъ.... и прочее и прочее.

А хорошая сторона? — Тутъ все свѣтло и чисто въ женщинѣ! Любить умѣютъ только женщины. Мужчины или обходятся съ любовью какъ съ ананасомъ — или бѣснуются... А дружба! Не на-

дѣйтесь на мужскую дружбу! Помните стихи дѣдушки Крылова:

« А только брось имъ кость...
Такъ что твои собаки! »

Есть рѣдкія исключенія — а потому объ нихъ и упоминать нечего. А благотворительность? Однѣ женщины умѣютъ благотворить... мужчины могутъ только подавать милостыню! А сострадание, соучастіе, нѣжность чувствъ (délicatesse), самоотверженіе.... это именно женскія добродѣтели! Мужчины болѣе учатся — но женщины болѣе знаютъ, ибо знаютъ то, что имъ нужно. И кто болѣе читаетъ, кто оцѣняетъ литературу?... Только женщины! Мужчины завидуютъ славѣ, извѣстности автора, его доходамъ — а женщина награждаетъ его взглядомъ, улыбкою, соучастіемъ... а иногда

и сердцемъ!... Высшее совершенство во всемъ твореніи, включая даже солнце: умная, добрая и прекрасная женщина!

Но женщины бываютъ иногда невѣрны въ любви!.... Оглянитесь на себя, мужчины!

« Я удивляюсь, какъ у васъ могутъ итти хорошо важныя дѣла! » сказалъ нѣкто начальнику конторы (или

пожалуй канцелярiи): « у васъ вовсе нѣтъ людей способныхъ и съ дарованiями.» — «Помилуй, братецъ,» отвѣчалъ начальникъ: « да развѣ отъ колесъ и пружинъ въ машинѣ требуется ума и познанiй! »

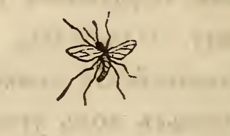
« По моему мнѣнiю, прiятель мой N. N., прозаикъ и поэтъ, равенъ Виктору Гюго!» — Да, равенъ въ одномъ: и Викторъ Гюго и N. N. не знаютъ по-Русски!

Францискъ I, Король Французскій, попавшись въ плѣнъ, въ сраженіи при Павіи, написалъ къ своей матери знаменитыя слова: tout est perdu fors l'honneur (т. е. все погибло, кромѣ чести.) Это изрѣченіе обратилось у Французовъ въ пословицу. Однажды, въ Парижѣ, какой-то полицейскій комиссаръ наплутовалъ, и попалъ подъ уголовный судъ. Родственники коммиссара и толпа любопытныхъ ожидали въ передней суда рѣшенія дѣла. Выходитъ чиновникъ. Чѣмъ кончилось? спрашиваютъ его: « tout est sauvé — fors l'honneur (т. е. все спасено, кромѣ чести) отвѣчалъ чиновникъ — и громкій хохотъ раздался въ толпѣ. Эта пародія изрѣченія Короля Франциска I часто приходитъ мнѣ на умъ — въ нѣкоторыхъ случаяхъ!

— « Не можете ли дать мнѣ денегъ взаймы? » Извините, я васъ такъ люблю, что мнѣ не хочется съ вами разсориться!

Знаменитый Польскій магнатъ XVIII вѣка Карлъ Радзивилъ, воевода Виленскій, чрезвычайно любилъ шутки и невинную и забавную ложь, въ родѣ *нелюбо не слушай*, а *лгать не мѣшай*. Однажды спросилъ у него Король Польскій, Станиславъ Понятовскій: « Жива ли, князь, ваша знаменитая борзая собака, о которой вы мнѣ разсказывали чудеса? » — Жива, ваше величество, но ослѣпла. — « Такъ уже она больше не

можетъ ловить зайцевъ дюжинами!» примолвилъ Король. — «Извините, ваше величество,» сказалъ Радзивилъ: «слѣпота не мѣшаетъ. Выѣзжая на охоту, я привязываю на шею моей слѣпой борзой собаки зрячую болонку и дѣло идетъ по прежнему.» — Ужъ если лгать, такъ лгать! —

Вскорѣ послѣ открытія для публики картины К. П. Брюллова: *Послѣдній день Помпеи* — двое пріятелей пошли посмотрѣть ее. «Какъ тебѣ нравится?» спросилъ одинъ. — «Фигуры хороши, да не знаю которая изъ нихъ.... *Помпея!*» отвѣчалъ другой. — «А мнѣ, такъ вотъ что удивительно,» примолвилъ

первый: « городъ въ огнѣ — а нѣтъ ни одной пожарной трубы! » — Это: vox populi, vox Dei!

Въ нашемъ нынѣшномъ разговорномъ языкѣ употребляются слова, весьма неопредѣленныя, которыя даютъ поводъ къ превратному истолкованію смысла. Говорятъ: « онъ любитъ *заниматься*. Вопросъ: чѣмъ? — Онъ человѣкъ *способный*. Вопросъ: къ чему? — Онъ человѣкъ *достойный*. Вопросъ: чего? Пониженія или повышенія!....

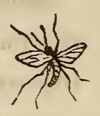
Гдѣ-то за границею, какой-то чиновникъ обманомъ присвоилъ себѣ значительную сумму денегъ, принадлежавшую частному лицу. Чиновника старались оправдать тѣмъ, что онъ сдѣлалъ это въ припадкѣ бѣлой горячки. « Почему же онъ, въ припадкѣ бѣлой горячки, не отдалъ *своихъ* денегъ — а взялъ *чужія!* » сказалъ одинъ литераторъ.

Весьма замѣчательно, что при расчетахъ, изъ числа ста ошибающихся девяносто девять ошибаются *въ свою пользу* — а едва одинъ *въ пользу чужую.*

Если бъ не было картъ, то вошло бы въ моду звать гостей — *подремать!*

Не довѣряйте людямъ, которые никому не вѣрятъ!

Отъ чего музыканты, пѣвцы и вообще художники и артисты гораздо лучше принимаются въ большомъ свѣтѣ — нежели писатели? Отъ того, что отъ свѣтскаго человѣка, непосвятившаго себя исключительно искусству, не требуется,

чтобъ онъ былъ виртуозомъ или художникомъ, а отъ каждаго благовоспитаннаго человѣка требуется — кромѣ ума — нѣкоторыхъ познаній. Отъ писателя нельзя отдѣлаться, какъ отъ артиста и художника — ушами и глазами! Художника и артиста *вы судите*, а литераторъ можетъ быть *вашимъ судьею*. Кому охота быть подъ судомъ!

Самая счастливая страна для литературы и наукъ та, въ которой писатели и ученые не только не играютъ никакой роли въ обществѣ, но напротивъ, исключаются изъ общества, если они не имѣютъ ни какого значенія по своему сану

или родственнымъ связямъ. Польза отъ исключенія литераторовъ изъ общества та, что у нихъ не отнимается ихъ единственное сокровище: *время*, и что не раздражается самое сильное чувство въ писателѣ: *тщеславіе*. Французская литература XVIII вѣка начала упадать съ того времени, какъ литераторы переселились изъ своего кабинета въ гостиную. Нынѣшніе французскіе литераторы, которые знаютъ это — разбѣгаются въ разныя стороны изъ Парижа, на лѣто, т. е. на девять мѣсяцевъ въ году: однако жъ не могутъ избѣжать вліянія общества, въ которомъ живутъ три мѣсяца. Для свѣтской жизни — юность; въ среднія лѣта — трудъ и размышленіе; на старости — покой!

Знаете ли, чѣмъ познается популярность (popularité), т. е. общественная любовь къ человѣку, котораго знаютъ только по имени и по его трудамъ или дѣламъ? Множествомъ пламенныхъ *друзей* и множествомъ заклятыхъ *враговъ*! Къ кому большинство равнодушно — плохая примѣта; а кого всѣ хвалятъ — бѣда! Желаете ли вы любви и похвалъ, плутовъ и глупцевъ?....

Я чрезвычайно люблю и уважаю людей, на которыхъ много и жестоко клевещутъ. Это знакъ: что они крѣпко надоѣли негодяямъ!

Наполеонъ сказалъ, на островѣ Св. Елены: приближенные мои знали меня и истинно любили: если бъ счастье не измѣнило мнѣ, то они остались бы мнѣ навсегда вѣрными! Въ этихъ словахъ заключается вся исторія человѣчества!

Величайшія несчастья происходятъ отъ того, когда въ важныя и серьозныя дѣла вводятъ поэзію; а ничего нѣтъ несноснѣе, какъ дѣло въ поэзіи!

Въ сочиненіяхъ покойнаго Графа Растопчина находится слѣдующая шутка: «нынѣ развелось много филантроповъ и мизантроповъ. Первые провозглашаютъ любовь къ человѣчеству и раззоряютъ своихъ крестьянъ; вторые, изъ ненависти къ роду человѣческому, бѣгутъ изъ общества въ трактиры!» Въ нашъ просвѣщенно-промышленный вѣкъ и филантропы и мизантропы исправились. Первые изъ любви къ человѣчеству трудятся для бѣдныхъ — въ свою пользу, а вторые изъ ненависти къ людямъ — живутъ на ихъ счетъ.

Теперь хорошій тонъ велитъ свѣтскому человѣку казаться холоднымъ со всѣми, ничего не хвалить и ничѣмъ не восхищаться, привѣтствовать знакомыхъ однимъ наклоненіемъ головы, съ дамою здороваться пожатіемъ руки, какъ прежде здоровались съ бѣлошвейками, всюду опаздывать, словомъ, теперь все то составляетъ принадлежность благовоспитаннаго человѣка, что лѣтъ за сорокъ предъ симъ составляло отличительныя качества *невѣжи*. Любопытно знать: что будетъ лѣтъ черезъ пятьдесятъ? — Кондукторы дилижансовъ, станціонные смотрители и писаря земскихъ судовъ вѣрно никакъ не воображаютъ, что они будутъ, со временемъ, образцами хорошаго тона, точно также, какъ придворные Лудовика XIV не могли себѣ представить, что бъ хорошій тонъ составляло то, что мы видимъ теперь!

Хитеръ тотъ только, кого всѣ почитаютъ *простодушнымъ* и недальновиднымъ. Какъ только узнали люди, что такой-то хитеръ — уже онъ болѣе не хитеръ, т. е. хитрость его ни къ чему не годиться. Кто узнанъ въ маскарадѣ, тому не для чего мучиться подъ маскою.

Что скучнѣе всего въ мірѣ? спросилъ нѣкто въ одной бесѣдѣ. Толковали, толковали и наконецъ рѣшили: что всего скучнѣе: считать чужія деньги!

Еслибъ мнѣ пришлось оставить навсегда Россію и итти пѣшкомъ — я взялъ бы съ собою только двѣ книги, въ оба кармана: *Басни* И. А. Крылова и *Горе отъ ума* Грибоѣдова.

Петербургъ, самый новый городъ въ Европѣ, разумѣется, не можетъ имѣть *древностей*, а потому Франція и Германія высылаютъ къ намъ, безпрестанно, *развалины* своихъ талантовъ!

Мнѣ разсказывали слѣдующій справедливый анекдотъ. По возвращеніи Бурбоновъ, много прежнихъ чиновниковъ лишилось мѣстъ, безъ всякой причины, единственно для очистки вакансій. Новый начальникъ Тюльерійской библіотеки призвалъ къ себѣ чиновника, и спросилъ его: « знаете ли вы латинскій и греческій языки? » — Нѣтъ. — « Такъ извольте подавать въ отставку: мнѣ нуженъ человѣкъ, знающій древніе языки.» — Извините, я не подамъ въ отставку, отвѣчалъ чиновникъ. Я нахожусь при отдѣленіи французскихъ книгъ, гдѣ вовсе не нужно познанія древнихъ языковъ, служу честно и усердно пятнадцать лѣтъ, и не хочу оставить этого мѣста. — « Я вамъ приказываю подать въ отставку,» сказалъ гнѣвно начальникъ. — Не подамъ. — « Такъ васъ выгонятъ! » — Не выгонятъ. — « Увидимъ! » — Увидимъ. — Чиновникъ вышелъ. На другой

день его позвали къ начальнику Тюльерійскаго управленія, который сказалъ ему грозно: «извольте сей часъ подать въ отставку, а не то я васъ выгоню!» — Не подамъ въ отставку и вы меня не выгоните! Если я виновенъ въ чемъ либо — отдайте меня подъ судъ, а выгонять не смѣете: я служу королю — а не вамъ. — «Знаете ли вы, съ кѣмъ вы говорите!» — Знаю, что вы и Герцогъ (Duc), и въ чинахъ, и въ милости, а все таки въ отставку не подамъ. — «Вотъ я же съ вами справлюсь!» закричалъ начальникъ: «прочь отсюда!» Чиновникъ вышелъ. Въ передней остановилъ его секретарь главнаго начальника, и сказалъ: «что это вы надѣлали, по какому праву вы смѣете противиться волѣ начальника и еще грубить»....— Потому, что моя родная тетка камеръ-фрау (femme de chambre) при Герцогинѣ Беррійской, отвѣчалъ простодушно чиновникъ. — «А,

мы этого вовсе не знали!» примолвилъ секретарь: «извините!» — На другой день начальникъ библіотеки пріѣхалъ къ бѣдному чиновнику, сталъ извиняться, обнадежилъ, что его оставятъ на мѣстѣ, что это произошло отъ *недоразумѣнія*, и тому подобное... Анекдотъ этотъ привожу единственно въ подкрѣпленіе нашей Русской, коренной пословицы: «хорошо тому жить, кому бабушка (или пожалуй тетушка) ворожитъ!»

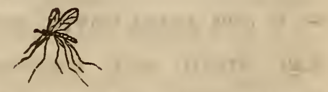
Дружба съ мужчиною — для души хлѣбъ; дружба съ женщиною — буттеръ-бродъ (хлѣбъ съ масломъ).

Намъ кажется страннымъ, а иногда даже и приторно, что въ каждой комедіи и въ каждомъ водевилѣ должны быть непремѣнно любовь и женитьба. Но вѣдь театральная труппа не можетъ существовать безъ женщинъ, а какъ же можно вмѣшать въ дѣйствіе женщину — безъ любви! Это было бы то же, что заставить птицу летать безъ воздуха!

« Надѣюсь, что вы будете на моей свадьбѣ? » — Нѣтъ. — « Почему же вы хотите отказать въ этомъ удовольствіи вашему совоспитаннику и товарищу? » — Потому что не хочу быть свидѣте-

лемъ вступленія вашего въ несчастіе! »
— Я васъ не понимаю! Развѣ вы не знаете моей невѣсты! — « Знаю, отъ ея дѣтства: она мила, добра, благородна ».... Такъ что жъ? — « Чѣмъ она лучше, тѣмъ вы будете несчастнѣе.—» Ради Бога, скажите, почему же? — «Потому что вы не эгоистъ»—Тѣмъ лучше! —«Тѣмъ хуже! Теперь вы страдаете или опасаетесь за себя, а тогда будете страдать и опасаться за жену и за дѣтей, болѣть ихъ болѣзнью, тосковать ихъ горестью, мучиться ихъ мученіемъ... а подумали ли вы о вѣчной разлукѣ!.... Пріятель мой заплакалъ. Это только.... задатокъ!....

Говорятъ, будто можно по нѣскольку разъ въ жизни влюбляться. Мнѣ кажется, что любить нѣсколько разъ въ жизни, значитъ то же, что разыгрывать любимую піесу на различныхъ инструментахъ. Въ сердце же остается всегда воспоминаніе того времени, когда вы впервые научились разыгрывать вашу любимую піесу !

Иные употребляютъ тысячу различныхъ средствъ и розысковъ, чтобъ узнать о нравственности и характерѣ человѣка — и эти люди почти всегда ошибаются. Для этого есть единственное и самое простое средство : узнайте только — *при-*

знателенъ ли человѣкъ. Если человѣкъ *неблагодарный* не злодѣйствуетъ явно, то это только отъ трусости.

Сильный и богатый, пока онъ силенъ и богатъ, всегда окруженъ людьми *преданными* и *благодарными.*

Нѣкто сказалъ пріятелю: « что прибыли, что я послѣдовалъ совѣту Сократа: вѣкъ живи, вѣкъ учись. Я... ничто, а люди, которые ничему не учились,

ничего не знаютъ, — жили, жили, терлись и наконецъ вскарабкались въ гору, и теперь на меня *глядѣть* не хотятъ!»
— За то, ты *видишь* ихъ насквозь — отвѣчалъ пріятель.

Шиллеръ (въ сочиненіи своемъ Исторія Тридцатилѣтней Войны) тремя словами начерталъ характеръ знаменитаго Валленштейна: «Er lachte niemals, (онъ никогда *не смѣялся.*)» Страшно вспомнить о человѣкѣ, который никогда не смѣялся! Звѣри и всѣ животныя не смѣются, но изъявляютъ радость голосомъ или движеніями, а человѣкъ,

который не смѣется — не человѣкъ и не животное — а камень!

« Терпѣть не могу дураковъ! » воскликнулъ нѣкто. — Удивительное самоотверженіе! примолвилъ одинъ изъ присутствовавшихъ.

Самый вѣрный признакъ мелкаго, ничтожнаго умишка и огромнаго эгоисма — есть тотъ, когда человѣкъ безпрестан-

но разсказываетъ всѣмъ и каждому *о своихъ* занятіяхъ и дѣлахъ, и чуждается всякаго другаго предмета въ разговорахъ. Въ обществѣ, въ кругу людей, не принадлежащихъ къ вашему ремеслу и занятіямъ, литераторъ никогда не долженъ говорить о своихъ литературныхъ трудахъ, судья — о тяжебныхъ дѣлахъ и о судѣ, купецъ — о своихъ оборотахъ, художникъ о своихъ работахъ, и т. д. Человѣкъ, который безпрестанно толкуетъ о себѣ, несносенъ, какъ поросенокъ въ мѣшкѣ, котораго мужикъ несетъ на рынокъ.

Вся жизнь человѣческая составлена изъ противорѣчій. Насъ обучаютъ множеству

языковъ и различнымъ наукамъ и искусствамъ, а между тѣмъ, изъ ста тысячъ грамотныхъ людей, едва ли одинъ умѣетъ писать правильно на языкѣ отечественномъ; изъ пяти сотъ тысячъ человѣкъ едва ли одинъ обучался, систематически, тому, что составляетъ *главное* его занятіе въ жизни, и изъ милліона людей едва ли одинъ знаетъ устройство человѣческаго тѣла и окружающія человѣка силы природы, т. е. что составляетъ его жизнь и счастье! Послѣ этого должно ли удивляться, что родъ человѣческій такъ медленно подвигается на поприщѣ усовершеній! Вникните въ дѣло. Всѣ великія и полезныя открытія сдѣланы случайно, а не выдуманы, не изобрѣтены по нашей волѣ и по желанію, не суть слѣдствія науки и соображеній. Наука только совершенствуетъ случайное открытіе. Родъ человѣческій открываетъ важное, гоняясь за мелочами,

какъ ребенокъ, ища въ пескѣ камешковъ, находитъ алмазы. Коломбъ открылъ Америку, отыскивая новаго пути въ Восточную Индію, въ небывалое *золотое* царство. Химія родилась изъ глупѣйшихъ разысканій *о философскомъ камнѣ.* Польза основныхъ лекарствъ въ медицинѣ: хины, ялапы, ипекакуаны и другихъ — указана человѣку животными. За тысячу лѣтъ предъ симъ, закупоренная съ кипяткомъ кружка, лопаясь, доказывала людямъ силу паровъ, и. т. п. А что же выдумали и выдумываютъ люди? Системы въ отвлеченной философіи, въ медицинѣ, въ политикѣ (системы, ниспровергающія своихъ предшественницъ, и доказывающія ихъ глупость), ябеду, интриги и модные покрои платья и шляпокъ! Пришла холера — и премудрость наша стала въ тупикъ! Почему наша премудрость не можетъ, до сихъ поръ, истребить чумы, скарлатины? (Вѣдь

коровью оспу—открылъ Дженнеръ—случайно)! Вся бѣда отъ *универсальности*, т. е. отъ желанія сдѣлаться всезнающимъ! Заваливая умъ юноши тридцатью различными науками, мы подавляемъ и гасимъ свѣтило ума — разсудокъ, и голову превращаемъ въ машину... Природа открываетъ свои тайны только своимъ приближеннымъ, и смѣется надъ тѣми, которые хотятъ заставить силою ее говорить!

Наполеонъ былъ величайшій врагъ системъ и отвлеченностей, а онъ и хорошо учился и зналъ многое. Его про-

возгласили врагомъ просвѣщенія, потому что онъ не любилъ политическихъ бредней и сновъ трансцендентальной Нѣмецкой философіи, которая кормитъ душу туманомъ и пораждаетъ фанатисмъ. Чѣмъ же кончилось? Франція и Германія доказали на дѣлѣ, послѣ смерти Наполеона, что онъ былъ совершенно правъ. Политическія бредни довели Францію до безсмысленнаго *комунисма*; системы Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля подрыли религію въ Германіи, породивъ *политеисмъ* — и теперь самъ мастеръ, Шеллингъ, работаетъ, изъ всѣхъ силъ своихъ, надъ низпроверженіемъ того, что прежде сооружалъ съ такимъ трудомъ и что подвергалось порицанію Наполеона! Въ милліонъ разъ было бы полезнѣе для человѣчества, если бъ Фихте, Кантъ, Шеллингъ и Гегель выдумали вѣрное средство отъ зубной боли, а по-

литики убѣдили народъ въ величайшей изъ всѣхъ истинъ: что у семи нянекъ — дитя безъ глазу.

Сила паровъ до тѣхъ поръ благодѣтельна, пока соотвѣтствуетъ крѣпости стѣнокъ котла. Великій нравственный урокъ!

Въ театральныхъ декораціяхъ натуральнѣе всего изображаютъ *луну* и *водопадъ* — а между тѣмъ, для этого употребляютъ самыя простыя средства — крашеную бумагу! Вся сила *въ освѣщеніи*. Опять великій нравственный урокъ!

Во всякомъ дѣлѣ, чѣмъ средства проще, тѣмъ лучше. Все зависитъ отъ *освѣщенія* — какъ представлено дѣло на видъ!

Чѣмъ животное смышленѣе, тѣмъ голова его менѣе, въ отношеніи къ туловищу, тѣмъ менѣе въ головѣ мозгу и тѣмъ мозгъ плотнѣе. Это доказано *сравнительною анатоміею*. У слона, самаго умнаго животнаго, голова менѣе, нежели у свиньи и быка. У попугая, канарейки и другихъ птицъ, перенимающихъ у человѣка пѣнье и слова, голова меньше, чѣмъ у домашнихъ птицъ. У совы (символа премудрости) почти не видно головы. О величинѣ головы человѣка должно судить не по лицу, а по затылку. Полное лице можетъ быть при самой маленькой головѣ — и на оборотъ. Не придерживаясь слѣпо

системъ Галля и Лафатера, совѣтую, однакожъ, любознательнымъ людямъ сдѣлать нѣсколько наблюденій.

Сила солому ломитъ. Это одна изъ самыхъ древнихъ народныхъ нашихъ поговорокъ. По моему мнѣнію, каждая народная пословица есть полный философскій трактатъ, а въ этой поговоркѣ два трактата — и быть можетъ, еще съ половиною. Солома *сгибается* — и отъ того ее нельзя переломить. Это первый трактатъ. Хотите сломить солому — высушите ее! Это полтора трактата! Из-

сушите героя скорбью — и онъ *не согнется*, а сломится! Что гнется, то не ломится.

Слава Богу, что есть смерть! Хотя врожденное чувство заставляетъ человѣка, если не бояться, то, по крайней мѣрѣ, не желать смерти, разсудокъ находитъ утѣшеніе въ томъ, что есть предѣлъ, за которымъ исчезаютъ страданія, и гдѣ нѣтъ уничиженія, гдѣ нѣтъ ни силы, ни слабости. Животный эгоисмъ шепчетъ: какъ бы хорошо было, если бъ я жилъ вѣчно, а оскорбленное чувство воз-

ражаетъ: но вѣдь и всѣ *они*... будутъ жить вѣчно съ тобою! И такъ... слава Богу, что есть смерть!

Эстляндскій крестьянинъ пришелъ къ судьѣ жаловаться на своего работника, обвиняя его въ покражѣ денегъ. Крестьянинъ сознавался, что работникъ служилъ ему, въ теченіе десяти лѣтъ, вѣрно и честно, и что онъ довѣрялъ ему болѣе, нежели женѣ и дѣтямъ своимъ; но покража такого рода, что онъ не можетъ подозрѣвать никого, кромѣ работника. Судья приказалъ разсказать всѣ обстоятельства дѣла. — « За годъ предъ симъ, » сказалъ крестьянинъ, « я поло-

жилъ въ жестянку накопленныя мною, въ продолженіе многихъ лѣтъ, деньги, и закопалъ ихъ въ землю. При этомъ былъ только мой вѣрный работникъ. Я заставилъ его поклясться, что если бъ я умеръ скоропостижно, онъ отдастъ деньги дѣтямъ моимъ. Когда прошло полгода, мы съ работникомъ вырыли кубышку и сосчитали деньги. Онѣ были цѣлы — а теперь, когда миновалъ годъ, недостаетъ денегъ... Кто же ихъ взялъ, когда никто не зналъ, гдѣ онѣ зарыты!» — Работникъ сознавался, что онъ одинъ зналъ, гдѣ зарыты деньги, но что хозяинъ выкопалъ ихъ и сосчиталъ теперь безъ него — и онъ не знаетъ цѣлы ли деньги, но готовъ присягнуть, что денегъ не бралъ. — Справки о поведеніи работника и хозяина продолжались съ недѣлю, и удостовѣрили судью, что оба они люди честные и богобоязливые, чуждые лжи и обману. Судья сталъ въ

тупикъ, не зная, какъ рѣшить дѣло. Наконецъ онъ вздумалъ спросить у хозяина: « сколько онъ зарылъ денегъ? » « Триста цѣлковыхъ,» отвѣчалъ крестьянинъ.— «А сколько же вырылъ?» — «Тѣ же триста!» — «Какъ же ты говоришь, что у тебя пропали деньги! » вскричалъ судья, съ гнѣвомъ. — « А гдѣ же проценты?» отвѣчалъ крестьянинъ. «Сосѣдъ мой отдалъ деньги въ ростъ, и получаетъ съ трехъ сотъ рублей по восемнадцати рублей въ годъ.... а мои проценты... пропали! » Насилу могли увѣрить крестьянина, что деньги въ землѣ *не ростутъ* и не приносятъ процентовъ! Анекдотъ этотъ совершенно справедливъ и чрезвычайно поучителенъ.— Это та же исторія таланта, зарытаго въ землю! Лежа на боку, мы удивляемся и даже досадуемъ, что товарищи наши выходятъ въ люди, богатѣютъ... и, подобно Эстляндскому мужику, обвиняемъ дру-

гихъ въ томъ, что капиталъ нашъ, или талантъ, зарытые въ землѣ, не принесли прибыли!

Благовоспитанные люди бьются объ закладъ о томъ: кто обскачетъ кого на лошади, кто скорѣе дойдетъ пѣшкомъ до цѣли, когда очистится рѣка отъ льда, и т. п. Я не слыхалъ никогда, что бъ люди бились объ закладъ: кто отыщетъ несчастнаго, достойнаго помощи, кто напишетъ лучшее сочиненіе, по какому нибудь предмету, кто лучше употребитъ свое время, и т. п. Бьюсь объ закладъ, что никто не по-

слѣдуетъ моему совѣту, и не станетъ вызывать на закладъ, въ какомъ нибудь дѣлѣ на пользу человѣчества!

Если бъ какою нибудь волшебною силою открылись вдругъ три колодца: одинъ съ *здоровьемъ*, другой *съ умомъ*, и третій *съ деньгами* — къ которому бы изъ нихъ люди сперва бросились? — Къ колодцу съ здоровьемъ, скажете вы! — Извините! Развѣ мы не разстроиваемъ здоровья, не отваживаемъ жизни для пріобрѣтенія денегъ? Ни бурное море, ни чума, ни желтая лихорадка, ни дикія племена, ни безсонныя ночи, ни голодъ, ни жажда не устрашаютъ насъ

на пути къ богатству! — А умъ? — Да развѣ есть хотя одинъ человѣкъ на землѣ, который бы сознался, что онъ не уменъ и что есть умнѣе его? — Мнѣ не случалось встрѣчать! Много людей, которые сознаются, что такой-то ученѣе ихъ — но умнѣе — сохрани Богъ! Увѣряю васъ, что всѣ бросились бы къ *колодцу съ деньгами!* Всѣ мы повторяемъ книжныя фразы: здоровье драгоцѣннѣе богатства, — умъ выше денегъ... и фразы остаются фразами; а на деньги.... охъ, падки люди!

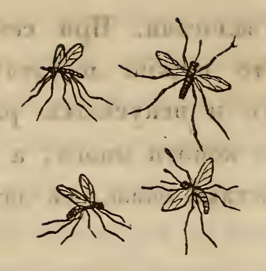
Когда Свѣтлѣйшій Князь Потемкинъ-Таврическій былъ въ Бѣлоруссіи, къ нему

явилась депутація отъ Евреевъ, и ораторъ, превознося Князя, увѣрялъ его въ готовности Еврейскаго народа на все благое, въ любви къ нему Евреевъ, и т. п. — « Пустое, » сказалъ Князь улыбаясь: « вы только думаете о томъ, какъ бы собрать болѣе денегъ? » — « А что жъ намъ дѣлать! » отвѣчалъ Еврей-ораторъ: « Христіяне насъ не любятъ, а деньги очень жалуютъ: такъ мы, изъ любви къ Христіанамъ, стараемся собирать какъ можно болѣе того, что имъ нравится! » — Этотъ фарсъ что-то похожъ на исторію Еврейскаго народа въ Европѣ!

Какая самая большая глупость въ мірѣ? — Это та, когда умный человѣкъ говоритъ правду, зная, что это никого не исправитъ, а только раздражитъ злыхъ!

КОМАРЬИ ВѢСТИ.

КОМАРЬИ ВѢСТИ

ИЗЪ

РАЗНЫХЪ СТРАНЪ МІРА.

(Часть неполитическая и неофиціяльная.)

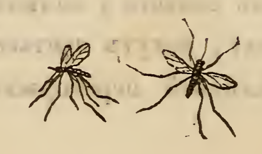
Смѣяться право не грѣшно
Надъ всѣмъ, что кажется смѣшно.
Карамзинъ.

Городъ Ябеда. — Желающіе очищать и исправлять совѣсть у подъячихъ, въ текущемъ году, могутъ явиться для торговъ и послѣдней переторжки, съ на-

дежными залогами. При семъ увѣдомляется, что нужно достаточное число исправныхъ и искусныхъ работниковъ, потому что копоти много, а въ нѣкоторыхъ совѣстяхъ оказалось даже повреждение.

— Красильная фабрика подъ фирмою *Цапцарапъ и Комп.* симъ извѣщаетъ, что она принимаетъ въ работу всѣ дѣла, и въ самое скорое время изъ бѣлаго дѣлаетъ черное, а изъ чернаго бѣлое. О цѣнѣ спросить въ конторѣ.

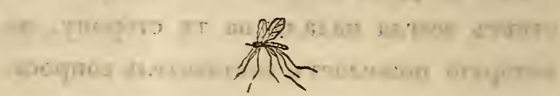
— Учитель, извѣстный своимъ искусствомъ и имѣющій одобрительные аттестаты, желаетъ преподавать частные уроки: какъ составлять юридическіе вопросы такимъ образомъ, чтобъ благопріятный отвѣтъ всегда падалъ на ту сторону, на которую пожелаетъ составитель вопроса.

— За отъѣздомъ продается пара сѣдыхъ подъячихъ, годныхъ во всякую черную работу.

— Нужно большое количество *крючковъ*. Желающіе поставлять оные благоволятъ явиться къ *понеже* и *поелику*.

— Продается или отдается въ арендное содержаніе пустопорожнее мѣсто, приносящее отъ тридцати до сорока тысячъ рублей ежегоднаго дохода, безъ всякой головоломной работы. Хозяину мѣста стоитъ только стоять чинно на улицѣ, и поглядывать бодро во всѣ стороны — а доходы сами прійдутъ къ нему въ контору.

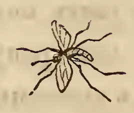
— Нуженъ подрядчикъ для постройки *козней*. Матеріялы готовы и планъ составленъ однимъ изъ первыхъ здѣшнихъ ябедниковъ.

— Желающіе взять подрядъ для выведенія пятенъ изъ репутаціи нѣкоторыхъ исправныхъ взяточниковъ, которые, понажившись, вознамѣрились отдохнуть и занять почетныя должности — благоволятъ объявить о себѣ чрезъ *Комарьи вѣсти*.

— Одинъ изъ здѣшнихъ подъячихъ выдумалъ симпатическія чернила, которыя выѣдаютъ правду изъ дѣла. Желающіе употреблять сіи чернила при составленіи записокъ, выписокъ и докладовъ, благоволятъ относиться къ изобрѣтателю, котораго укажетъ каждый крючкотворецъ.

Почтенное сословіе закоренѣлыхъ взяточниковъ предположило поставить памятникъ въ честь сатирикамъ, которые въ сочиненіяхъ своихъ преслѣдуютъ взятки, и тѣмъ удерживая отъ лихоимства многихъ, предоставляютъ всѣ выгоды взяточникамъ неисправимымъ.

— Нѣкто, имѣя тяжбу, желаетъ промѣнять ее на подагру, хирагру, удушье и даже слѣпоту. Желающіе помѣняться могутъ объявить чрезъ газеты.

Изъ города Торговаго. Почтенный Кредитъ, столь любимый и уважаемый нашими предками, скончался отъ старости, къ общему сожалѣнію. Почитателей его просятъ пожаловать на выносъ тѣла въ магазинъ, а оттуда на кладбище.

— Для товара, который продается *лицемъ*, требуется помада для сведенія съ лица *пятенъ* и *морщинъ*. Адресоваться въ лавки, которыхъ хозяева не хотятъ освѣщать ихъ гасомъ.

— Изобрѣтены аршины и вѣсы, которые сами обмѣриваютъ и обвѣшиваютъ, безъ помощи сидѣльцевъ, и они, имѣя эти инструменты, могутъ безъ грѣха увѣрять покупателей въ своей честности.

— Новая компанія, составившаяся на акціяхъ, приглашаетъ всѣхъ желающихъ купить, на наличныя деньги, *надежду* на огромные дивиденды — являться ежедневно въ контору компаніи, находящейся въ Простофильной улицѣ, въ недостроенномъ домѣ.

— Присницъ несправедливо приписываетъ себѣ честь открытія пользы отъ воды. Виноторговцы давнымъ давно торгуютъ водою, и она приноситъ *имъ* большую пользу.

— Нынѣ весьма усовершенствовалась обработка *совѣсти*. Прежде едва ли можно было *покривить* ею за сотни тысячъ, а нынѣ она гнется, въ просвѣщенной Европѣ, въ три погибели, за гривну. Надѣются, что на иностранныхъ биржахъ этотъ товаръ найдетъ хорошій сбытъ.

— Нужна дрессированная собака, которая бы по духу чуяла у кого есть деньги въ карманѣ, лизала такого прохожаго и тянула за полы въ лавку. Имѣющіе такихъ собакъ благоволятъ отнестись на Щукинъ, Апраксинъ и Гостиный Дворы.

— Гг. литераторы жалуются, что народная промышленость вовсе ничего не читаетъ и не покупаетъ книгъ, а потому Гг. литераторы симъ приглашаются: писать такія книги, которыя, прочитавъ, можно было бы продать *съ барышемъ*, по крайней мѣрѣ рубль на рубль — и тогда станутъ охотно раскупать книги. Если же Гг. литераторы выдумаютъ такія книги, которыя станутъ приносить большіе *проценты* или *дивиденды*, то народная промышленость, изъ патріотисма, будетъ сильно поддерживать литературу, и всѣ деньги, употребляемыя нынѣ на покупку шампанскаго, употребитъ на книги.

Фабричное село Литература. Приведена сюда, изъ древней столицы, собака изъ породы бульдоговъ; она лаетъ на каждаго, на разные тоны, по волѣ хозяина — но не кусаетъ, потому что изломала зубы на *грамотѣ* — которая ей *не далась.* Собака продается съ аукціона.

— Желающіе избавиться отъ умныхъ иностранныхъ книгъ, могутъ отдать ихъ здѣшнимъ *переводчикамъ.* Они *переведутъ* ихъ успѣшнѣе, нежели *переводятъ* крысъ и мышей.

— Потребна прачка для стирки и *гла-женія* сочиненій юныхъ геніевъ и бальныхъ поэтовъ. Адресоваться къ *аматерамъ* литературы, которые въ обществахъ хотятъ прослыть литераторами, а между литераторами важничаютъ.

— Желающимъ упражняться въ бросаніи камней изъ-за угла, симъ объявляется, что для этого есть претолстый и преогромный журналъ, за которымъ скрывается цѣлый грузъ нелѣпости, слѣдовательно могутъ укрыться нѣсколько человѣкъ. Мѣста отдаются въ наемъ по самой дешевой цѣнѣ.

— Желающіе убѣдиться въ истинѣ новаго открытія въ математикѣ, что *дважды два* составляютъ не *четыре* — а просто *нуль* — могутъ войти въ денежные расчеты съ нѣкоторыми книгопродавцами, и повѣрить имъ, на слово или на векселя, свои сочиненія.

— *Бѣлыми* (т. е. вольными) стихами назывались прежде стихи съ размѣромъ (ритмомъ), но безъ риѳмъ. Чтобъ выиграть время, нынѣ выдуманы стихи безъ размѣра и безъ риѳмъ, которые называются *черными* стихами. Смѣсь этихъ стиховъ составляетъ *пѣгое сочиненіе*. Этотъ родъ — какъ каждая новость — нынѣ въ модѣ.

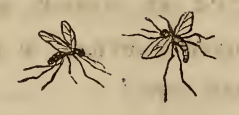
— Всѣмъ извѣстно, что людей безграмотныхъ болѣе въ каждомъ народѣ, чѣмъ грамотныхъ, и что вездѣ простой народъ говоритъ неправильно. На этомъ основаніи одинъ изъ нашихъ ученыхъ литераторовъ рѣшилъ, что для пріобрѣтенія славы *народнаго писателя* должно писать безграмотно, т. е. неправильно, и искажать грамматику, науку людей образованныхъ, слѣдовательно науку *не народную*. Успѣхъ увѣнчалъ открытіе: всѣ безграмотные приняли сторону ученаго литератора. Но извощики и лавочники оспариваютъ у него славу, утверждая, что они говорятъ гораздо *народнѣе*.

— Одинъ издатель толстаго журнала сдѣлалъ важное открытіе, предохраняющее отъ стрѣлъ критики. Средство состоитъ въ томъ, чтобъ самому ничего не писать, а заставлять другихъ браниться, слѣдовательно лишать каждаго возможности отыскивать въ немъ недостатки, по поговоркѣ: на нѣтъ и суда нѣтъ. Но какъ и неуязвимый Ахиллесъ имѣлъ одно уязвимое мѣсто, именно *пятку*, то противники стали отыскивать уязвимаго мѣста въ издателѣ толстаго журнала. Стрѣляли въ голову — напрасно, — тамъ пусто! Стрѣляли въ сердце — его вовсе не нашлось; — наконецъ попали *въ карманъ* и бѣдный застоналъ!

— Изящная Словесность пропала безъ вѣсти. Здѣшніе литераторы пишутъ и печатаютъ, будто она скрывается въ журналахъ. Послѣ надлежащаго и тщательнаго обыска оказалось, что таковой Изящной Словесности, бѣжавшей съ поприща литературы, въ журналахъ вовсе не обрѣтается; а потому, буде кому извѣстно, гдѣ оная укрывается, благоволилъ бы довести до свѣдѣнія ея любителей, за что дано будетъ пристойное награжденіе.

— Встарину приправляли изящный вкусъ *аттическою солью*, но теперь, для прочности и сбереженія издержекъ,

изящный вкусъ *коптятъ* и *провяливаютъ*. Желающіе наслаждаться копчеными остротами и вяленымъ умомъ, благоволятъ относиться въ контору журнала, который унижаетъ даже Грибоѣдова, превознося своихъ сотрудниковъ.

— При разборѣ безцѣнной комедіи *Горе отъ ума* въ одномъ журналѣ — *умъ* отъ испуга улетѣлъ, и въ журналѣ осталось одно *горе!*

— Одинъ журналистъ объявилъ, что онъ унижаетъ достоинство всѣхъ хорошихъ книгъ изъ опасенія, чтобъ люди, читая ихъ, не сдѣлались умнѣе — и не перестали бы подписываться на его журналъ.

— Удивляются, что одинъ изъ здѣшнихъ *сочинителей*, изображающій типы педантовъ и т. п., пишетъ прекрасно портреты сажей и работаетъ много и скоро. Немудрено! — Ему стоитъ только прижать листъ бумаги къ сердцу, и выйдетъ литографія!

— Весьма многіе принимаютъ собственную страсть къ маранью бумаги за талантъ, и удивляются, что другимъ не нравятся ихъ сочиненія, отъ которыхъ сами авторы въ восторгѣ. Для этого выдуманъ здѣсь *талантометръ*, который обучаетъ Гг. сочинителей — *такту*.

— Лѣтъ за двадцать предъ симъ ходили здѣсь по рукамъ стихи, подъ заглавіемъ *негодованіе*, и были прославляемы друзьями автора. Теперь узнали, что авторъ писалъ ихъ — смотрясь въ зеркало.

— У насъ есть одинъ піитъ, которому всѣ его сочиненія обращаются въ несчастье! Онъ написалъ *самоваръ* — и обжегся; написалъ *телѣжку* — и опрокинулся; написалъ *проселочную дорогу* и запутался. Наконецъ сталъ составлять жизнеописанія *великихъ* людей — и оказался *мелкимъ* писателемъ!

— Въ нашей литературѣ учреждены новые чины: *родственникъ* и *пріятель* великаго писателя. Люди безъ всякаго дарованья, даже недальніе, пользуются уваженіемъ въ свѣтѣ, имѣя этотъ чинъ, при которомъ требуется только — дерзости!

Изъ посада Закулиснаго. Какъ всѣмъ извѣстно, что геніяльность состоитъ не въ томъ, чтобъ вытверживать наизустъ чужое, то многіе изъ здѣшнихъ актеровъ, для доказательства своей геніяльности, никогда не знаютъ своей роли.

Видно знаменитый Василій Андреевичъ Каратыгинъ труслйвъ и слабъ, когда возвышаетъ своею несравненною игрою достоинство каждаго автора! У насъ есть такіе храбрецы и силачи, сущіе гладіаторы сцены, которые не боятся ни публики, ни авторовъ, окалечатъ кого угодно и низвергнутъ въ прахъ Шекспира, Кальдерона, Лопеса де Вегу, Шиллера — а не только нашихъ доморощенныхъ трагиковъ!

— Чтобъ не быть подражателями чужеземнаго, нѣкоторые изъ нашихъ артистовъ не ходятъ вовсе во Французскій и нѣмецкій спектакли, когда въ нихъ играютъ искусные актеры — предпочитая изучать искуство въ природѣ, за картами и за бутылкою — гдѣ сердце человѣческое на распашку и страсти въ разгулѣ.

— У насъ думаютъ, что хорошенькія лицемъ актрисы правы, когда играютъ дурно, потому что отличною игрою онѣ могли бы отвратить вниманіе зрителей отъ своего личика, когда напротивъ, некрасивая актриса прекрасною игрою

заставляетъ забывать, что она не хороша лицемъ. Во всемъ свой толкъ!

— Наши актеры и актрисы лучше всѣхъ ролей розыгрываютъ роль бенефиціянтовъ и бенефиціянтокъ и *предъ бенефисомъ* такъ живо, такъ естественно изображаютъ дружбу, любовь, преданность и усердіе къ драматическимъ авторамъ, журналистамъ и щедрымъ и богатымъ плательщикамъ за ложи и кресло, что самые глубокіе знатоки сердца человѣческаго принимаютъ драматическую игру за истину.

— Чтобъ хорошіе артисты и артистки (напримѣръ В. А. и А. М. Каратыгины) *не мѣшали* другимъ актерамъ, первокласные драматическіе писатели предполагаютъ писать *піесы-соло* или *піесы-дуэты*, такимъ образомъ, чтобъ отличные артисты играли всегда одни, или вдвоемъ, въ лѣсу, окруженные деревьями, а не различными дѣйствующими лицами, какъ-то: наперсниками и наперсницами, соперниками и соперницами, послами, вѣстниками, начальниками стражи и т. п. Если это предположеніе будетъ приведено въ исполненіе, то піесы избавлены будутъ отъ паденіи, а зрители отъ мученія.

— Домы всѣхъ *Титулярныхъ Совѣтниковъ* теперь чрезвычайно чисты, съ тѣхъ поръ какъ вся грязь изъ нихъ внесена въ водевиль подъ этимъ заглавіемъ.

— Хозяева домовъ чрезвычайно жалуются, что съ тѣхъ поръ, какъ появилась на сценѣ комедія-водевиль *Петербургскія квартиры*, никто не нанимаетъ квартиръ, опасаясь, что они такъ же дурны, какъ и эта комедія.

— На берегу морскомъ учреждена фабрика, для бѣленія водевильныхъ каламбуровъ. Просятъ заказывать впередъ, потому что работы много.

— Пріятелямъ плохихъ актеровъ и тупоумныхъ водевилистовъ и поклонникамъ миловидныхъ актрисъ, и всѣмъ вообще неистовымъ хлопальщикамъ и громогласнымъ восклицателямъ предлагается весьма выгодное занятіе, а именно: пугать на дачахъ воронъ, которыя портятъ деревья.

— Желающіе выводить изъ театровъ сверчковъ, шикающихъ во время представленія, по закулиснымъ интригамъ, благоволятъ явиться съ доказательствами, что средства къ истребленію этихъ насѣкомыхъ не ядовиты и не могутъ повредить людямъ, изъявляющимъ иногда, невольно, свое негодованіе, при видѣ гаерства и при одобреніи райкомъ грязныхъ каламбуровъ.

Изъ дальной художественной станицы. У насъ такое множество великихъ художниковъ, что можно найти тысячу архитекторовъ для постройки великолѣп-

ныхъ палатъ и храмовъ, тысячи живописцевъ для написанія огромныхъ историческихъ картинъ, тысячи скульпторовъ для изваянія монументальныхъ фигуръ, и мы сожалѣемъ о тѣхъ бѣдныхъ странахъ, гдѣ находятся архитекторы, умѣющіе строить покойные и помѣстительные домы, живописцы, пишущіе дешевые и сходные портреты и рисующіе картинки для книгъ, скульпторы, дѣлающіе прекрасные малые бюстики и различныя изображенія, и въ слѣдствіе этого, мы, изъ сострраданія, платимъ въ десятеро иностраннымъ артистамъ за мелочи, необходимыя въ образованности, а изъ любви къ высокому архитектурному стилю, живемъ въ домахъ съ холодными лѣстницами, съ сквознымъ вѣтромъ и безъ хозяйственныхъ помѣщеній.

— Стѣны одного изъ здѣшнихъ художественныхъ зданій имѣютъ такую магическую силу, что лишь только человѣкъ помѣстится въ нихъ, тотчасъ становится великимъ знатокомъ въ художествѣ.

— Желающимъ пріобрѣсть великій художественный талантъ, предлагаются два вѣрныя средства: или породниться съ какимъ нибудь извѣстнымъ художникомъ или льстить ему изъ всей силы.

— Сбѣжала *аккуратность* въ исполненіи условій; кто отыщетъ ее, тому будетъ дано пристойное награжденіе.

— Оказалась здѣсь повальная болѣзнь, называемая *лѣнью*, а потому и объявляется симъ каждому, для принятія предосторожностей отъ заразы.

— Желающіе имѣть прекрасно написанныя бутылки съ виномъ и штофы съ водкою, благоволятъ относиться ежемѣсячно, въ послѣдній день мѣсяца, къ извѣстному живописцу, который пишетъ ихъ съ натуры.

— Нѣкто, написавъ огромную картину, до такой степени одушевилъ всѣ фигуры, что всю свою душу вылилъ на холстъ и самъ остался — бездушнымъ.

Изъ моднаго свѣта. Продаются отличнѣйшія бѣлыя перчатки, галстухи, бѣлье, новѣйшіе жилеты и другія свѣтскія *достоинства* и *добродѣтели.*

— Благовоспитанные люди, les gens de bonne compagnie — вѣрятъ другъ другу на слово, и въ слѣдствіе этого, не читая ни сочиненій людей изъ своего круга, ни критикъ на эти сочиненія, почитаютъ великимъ литераторомъ каждаго, кто пишетъ, а особенно кто печатаетъ, а потому, для желающихъ попасть въ свѣтскіе геніи отдаются внаемъ мѣста въ альбомахъ, за стуломъ дамы, въ гостиной и даже въ передней.

— Встарину молодежь *прыгала* въ танцахъ, а нынѣ только *ходитъ*. Не отъ того ли она и *не ушла далеко!* Чтобъ выскочить впередъ, надобно теперь, чтобъ *везло* — и кому угодно сѣсть не *въ свои сани*, благоволитъ явиться съ поклонами, на паркетъ.

— Многіе не знаютъ, что значитъ: лорнетъ, вставленный между бровью и щекою, передъ глазомъ, и не придерживаемый рукою. Это то же для головы, что надпись надъ воротами дома: *свободенъ отъ постоя*.

— Стернъ, въ Тристрамѣ Шенди, доказываетъ, что нарядъ имѣетъ величайшее вліяніе на характеръ человѣка, и что если человѣка отъ юности одѣвать по-Турецки, то непремѣнно въ немъ возродятся Турецкія чувства и идеи. Въ слѣдствіе этого выдумана Парижскими парикмахерами *мужицкая* прическа (à la mougik). Должно вспомнить, что во время Робеспьера была въ модѣ прическа съ длинными волосами на вискахъ, называемыми: *собачьи уши* (oreilles de chien). Нѣтъ спора, что лучше быть мужикомъ, нежели злою собакою; но въ замѣнъ и того и другаго предлагается поклонникамъ моды новая прическа: à la dourak, нѣчто въ родѣ гребня индѣйскаго пѣтуха или Китайскаго хохла. Каждый благоразумный человѣкъ согласится, что лучше подражать ученому и вѣжливому Китайскому мандарину, нежели мужику! — Но какъ надобно долго

ждатъ, пока выростетъ Китайская коса — то продаются готовые парики изъ обезьянной шерсти.

— Нигдѣ не расточается столько *словъ* и *фразъ*, безъ всякаго смысла, какъ въ гостиныхъ, и эти слова и фразы, не касаясь ни ума, ни сердца, падаютъ на полъ и пропадаютъ даромъ. А потому Гг. лексикографы, вмѣсто того, чтобъ трудиться надъ собираніемъ словъ для *словарей*, могутъ покупать слова готовыя, по дешевой цѣнѣ, у выметающихъ гостиныя комнаты.

— На границѣ большаго свѣта учреждается таможня — и тогда изъ многихъ *призваныхъ*, будетъ мало *избранныхъ*, т. е. вопреки тому, что иногда дѣлается.

— Многіе негодуютъ, что нѣкоторые молодые люди, безъ всякихъ достоинствъ, чванятся и важничаютъ. Помилуйте, за что тутъ гнѣваться! Не имѣя ни какихъ достоинствъ, чѣмъ же этимъ несчастнымъ отличиться отъ Французскихъ сидѣльцевъ, если не чванствомъ!

— Нужны обойщикъ и столяръ для меблировки головы моднаго франта. Работы много: пространство огромное и совершенно пустое.

— Здѣсь намѣревались слѣдовать Русской пословицѣ: по платью встрѣчаютъ, по уму провожаютъ — но убѣдившись, что проводамъ не было бы конца — оставили дѣло въ прежнемъ положенiи.

Изъ храма истинной мудрости.

ЗОЛОТОЕ ПРАВИЛО.

Чѣмъ познается умный человѣкъ? Онъ понимаетъ шутку, и не гнѣвается за нее.

Оглавленіе.

THE LIBRARY OF CONGRESS